

18+

ОТТО ДИАС
ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ
РОДА

Отто Диас

Последняя из рода

«Издательские решения»

Диас О.

Последняя из рода / О. Диас — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-653120-8

Спасаясь от преследования Светоносцев, Хизер присоединяется к группе наемников и отправляется на восток. Путь к арене и долгожданной мести неблизок. Мёртвые встают из могил, маги уничтожают деревни, а оружие шархадарт сводит свою носительницу с ума. Сможет ли она исполнить задуманное вопреки злой насмешке шархадарт и защитит ли её сила, к которой Хизер так стремилась?

ISBN 978-5-00-653120-8

© Диас О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Чего хочет каждый	6
Глава 2 Сын	15
Глава 3 Сущность	19
Глава 4 Поиск	24
Глава 5 Та, кого не ждали	31
Глава 6 Возмездие	36
Глава 7 Наказание	40
Глава 8 Лагерь	46
Глава 9 Кого любить и ненавидеть	51
Глава 10 Мертвец	55
Глава 11 Потуги	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Последняя из рода

Отто Диас

© Отто Диас, 2025

ISBN 978-5-0065-3120-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Чего хочет каждый

Тёмный силуэт мелькнул среди деревьев. Под копытами мчащейся лошади хрустнула ветка, шмякнул и прыснул в разные стороны рыхлый снег. Устроить погоню в лесу, ещё и в такое время года – безумие, но о здоровье лошади Хаара сейчас не волновалась. Даже если сдохнет, ничего не стоит украсть новую. Ледяной воздух обжигал лицо, делал вдохи тяжёлыми, почти невыносимыми. Над головой просвистело, но Хаара вовремя пригнулась, чтобы уклониться от арбалетного болта. Второго выстрела не будет. Противник не перезарядит его в такой скачке. Завидев впереди открытое пространство, девушка заставила лошадь свернуть между деревьев и оказалась прямо позади преследуемого. Если это не прекратить, лошадь обо что-нибудь споткнётся. Корни. Ветки. Стоило этому сукиному сыну так неудачно свернуть в чашу! Думал, что погоня маловероятна, напавшие побоятся рисковать, но риск страшен для тех, кому есть, что терять.

Пыхтение, скачка, четыре бешено колотящихся сердца. Воздух, наполненный неотвратимостью, окутал всадников. Лес, впусивший в свои хоромы смерть, ждал, когда она выполнит своё грязное дело и даст природе снова погрузиться в сон. Ублюдок был совсем рядом, но Хаара не могла дотянуться – его лошадь петляла между стволов, норовя отделаться от погони, и Хаара не всегда успевала повернуть свою. От злости она сжимала зубы так, что те начинали болеть. Догнать. Во что бы то ни стало, она его догонит.

Лошадь Красного Кочевника снова резко повернула и вдруг исчезла из виду. Хаара услышала ржание, затем ощутила толчок – и в следующее мгновение уже летела из седла. «Только бы не сломать шею». Сгруппировавшись, Хаара приземлилась на недавно выпавший снег. Лошадь преследуемого угодила в яму, а вслед за ней и лошадь Хаары. Девушка успела увидеть взметнувшиеся копыта первой и дёргающуюся голову второй. Оба всадника кувыркнулись в воздухе и упали в паре метров друг от друга. По телу пронёсся звон, Хаара порадовалась, что на ней плотная одежда. В порыве ярости с отголосками страха преследуемый поднялся первым и выхватил меч. «Быстрый ублюдок», – подумала девушка и вытерла влажный лоб тыльной стороной ладони. При падении она неудачно задела им торчащую ветку, и теперь лоб пылал, словно по нему саданули когтями. Хаара поднялась медленнее, чем хотела. Голова кружилась, но, найдя точку равновесия, девушка выхватила Ардисфаль, как раз вовремя, чтобы отразить летящий сверху клинок. Зазвенела сталь. Хааре нравились люди дела, те, кто не тратил воздух на пустой трёп в виде угроз и жалких обещаний, а сразу прокладывал себе путь. Красный Кочевник был из таких. Они заплясали в смертельном танце, ловкие и быстрые, несмотря на тяжёлые меховые плащи, защищавшие от грянувших морозов. В глазах мужчины пылала всепоглощающая ярость. Она была не минутным чувством, а постоянной составляющей его жизни. Благодаря ей Красный Кочевник завоевал любовь головорезов, деньги и влияние в этих землях. Ярость направляла его во всех делах, служила ему оружием и бронёй. Хаара по себе знала, как это чувство может возвысить, сколько сил оно способно дать и сколько боли заглушить.

Пять дней поисков и вот – потенциальный мешок с золотом у неё как на ладони. Если бы все деяния человека оставались вечным отпечатком на нём самом, Красный Кочевник никогда бы не избавился от кровавого шлейфа, тянущегося за ним по всему западу Эндагона. Мало кто хотел сталкиваться с его компанией, а если и решались, то попадали в засады, теряли след, чувствовали себя идиотами в погоне за невидимкой, всё время оставлявшим их позади. Хааре показалось, что игра стоит свеч. Леоссар хорошо ориентировался на местности, умел находить людей, а Хаара умела их убивать. Не должно было возникнуть проблем. Они договорились с людьми Цурия, что разделятся, а выручку раскидают поровну. Красный Кочевник не ходил один, так что пришлось напасть на его лагерь в предрассветный час. Пока наёмники и маг

отвлекали на себя внимание бандитов, Хаара должна была прикончить главаря. Непогода издевалась несколько суток, замедляя следы и сбивая с дороги, так что упускать подвернувшийся шанс было нельзя. Хаара не знала, повезло ли остальным больше. Кочевник вскочил на лошадь, как только они подожгли палатки. Теперь он озлобленно смотрел на неё, и под стоны тщетно бьющейся от боли лошади выплюнул:

– Шлюха!

Хаара часто слышала подобные ругательства, хотя единственный, с кем она когда-либо ложилась, был Гверн, и то не по своей воле. Она перешла в нападение, поразившись, что противник не струсил от вида её клинка. Уродливое лицо, испещрённое грубыми морщинами, покраснело, исказилось злобной гримасой. Кочевник дрался неплохо, но и Хаара ему не уступала. Она теснила его к лошади. Та всё ещё дёргала уцелевшими ногами в попытке подняться. Решив, что противница что-то задумала, Кочевник замедлился и отступил к ближайшему дереву, пытаясь по-новому оценить врага. «Сейчас я снесу твою тупую башку», – подумала Хаара, намереваясь вложить в Ардисфаль силу и завершить всё одним ударом. Даже если Кочевник поднимет меч для блока, это не спасёт его. В чаще, где никто не видит, Хаара могла не скрывать свою мощь. Мертвец всё равно ничего не расскажет.

За несколько месяцев тренировок девушка научилась контролировать потоки энергии, поняла, как использовать её, чтобы рубить даже самый плотный материал. Однако узнала, что каждый такой удар отнимает много сил, и, если энергия закончится, она будет не сильно отличаться от начинённой сеном куклы. Поэтому Хаара никогда не была бездумно. Сосредоточившись, она почувствовала жар в руках. Сила растекалась по ним, переходила меч, делая его почти абсолютным оружием. Заметив, что противница замахивается, Красный Кочевник занял оборонительную стойку. Вдруг что-то разрезало воздух. Хаара успела моргнуть, прежде чем увидела, как в шею Красного Кочевника вонзился клинок. Тот выронил меч, захрипел, потянувшись к ране. Хааре обернулась и нашла глазами Леоссара, спускающегося к ним с пологого склона.

– Какого хрена?! Это я должна была его прикончить!

– Какая разница?

– Какая? – Хааре хотелось крикнуть, что она задолжала шархадарт несколько сотен душ, гналась за этим ублюдком, рискуя собственной шеей, а теперь потеряла возможность сократить долг хоть на толику. – Ты должен был быть с Цурием, помочь им разобраться с остальными!

– Я помог, с оставшимися они справятся.

– Я бы тоже справилась! – Хаару распирала ярость, но нужно было проглотить её. Заикаться об условиях сделки она не смела. Даже Леоссару она не скажет об этом. Маг пожал плечами.

– Если собиралась убить, почему не сделала сразу? Шанс был.

Хаара скрипнула зубами. Ей не хотелось полностью зависеть от дара шархадарт. Приятно осознавать, что ты и сам способен на что-то. Она медлила, но всё-таки собиралась убить, а теперь... Со злости девушка взмахнула мечом и снесла голову уже успевшему отпустить душу Кочевнику. Леоссар едва заметно скривился.

– Любишь ты разводить грязь.

– Нужно предоставить доказательства, чтобы нам заплатили. Ты его грохнул, вот и тащи теперь.

Последние несколько месяцев они только и занимались грязной работой: сопровождали купцов, защищали задницы богачей, ловили мразей, за чьи головы лорды Эндагона обещали отсыпать золотишка. На Красного Кочевника охота шла давно. Оставив кровавый след вдоль всей западной границы, он напрягал набегами тамошних феодалов и жителей. Его люди грабили, убивали, забирали и мучили женщин. Хаара лично видела трупы парочки из них: у бедняг были выколоты глаза, отрезаны волосы и груди. Такое жестокое обезличивание наводило

на мысль, что ублюдок нездоров. Возможно, за этим стояла история пострашнее разбитого сердца.

Зима грянула рано, карманы быстро пустели, так что наёмки решили взяться за это дело. Если поначалу Хаара не слишком высоко ценила их качества, то очень скоро убедилась в обратном. Цурий был отличной ищейкой и порой добывал информацию там, где другие бы и не попытались. След Красного Кочевника они взяли уже через два дня. Мучительные скитания по лесам во время бурана были обязаны окупиться. Теперь Леоссар запихивал его голову в мешок. Хаара знала – ему не нравится такая жизнь, но на что мог рассчитывать маг в условиях их реальности? Выдавать себя за человека, постоянно меняя местоположение с наёмниками не самый плохой вариант. За полдня они доехали до поместья лорда Эдварда Галера и бросив к его ногам три окровавленные головы, потребовали платы.

Мужчина, в чьих волосах уже виднелась проседь, с отвращением, но пристальностью, осмотрел трофеи. Хаара знала, что некоторые позволяют себе наглость обвинить наёмников в надувательстве и не заплатить. Они истратили последний линар накануне, так что выяснять отношения мирно девушка была не намерена. Благо лорд Эдвард признал в убитых Красного Кочевника и его пособников. Наёмникам заплатили.

– Хорошая работа, – сухо сказал он. – В Орвиоле есть трактир «Владычица дорог», там неплохо кормят, так что можете податься. Они охотно принимают наёмников. Предоставляют все... – он задержал взгляд на Хааре, – услуги.

– Спасибо, – бросил Цурий, пересчитав монеты и спрятав мешочек во внутренний карман плаща. Возвращаясь к лошадям, Хаара заметила, что за ними наблюдают. Темноволосая девушка в сером платье, укутанная в чёрный мех. С тонкими чертами лицами, исключительной уверенностью во взгляде, она держалась ровно, точно госпожа перед подданными. Знатная. «Дочь Эдварда», – промелькнула мысль. Не зная почему, Хаара испытала к ней неприязнь. Ей вообще не нравились девушки, особенно красивые. Сама Хаара не отдавала себе отчёта, но чувствовала себя неправильно в их присутствии: она – единственная законная наследница престола Ревердаса – выглядела хуже размалёванной шлюхи. Лицо бороздили шрамы, во взгляде притаилась злоба на весь свет. Хаара чувствовала, что найдёт в себе силы спалить Ревердаса, если захочет, что она подпалит его своей ненавистью, и тогда врагов не спасут ни деньги, ни красивые лица. И всё-таки ей было мерзко от себя. Хаара знала, что ни её сила, ни положение не изменят отношения окружающих к ней, никто не станет её любить. Бояться – возможно, уважать – да, но любить? Нет... этому не суждено свершиться. Для любви всегда будут выбирать красавиц с руками без мозолей, тех, кто привык улыбаться, а не рубить головы, тех, кто готов соглашаться и играть отведённую роль. Хаара не знала, почему мужчины выбирают девиц, которых нужно защищать? Почему они непременно тешат самолюбие возле их юбок, почему готовы быть безотказными, если подобная леди о чём-то попросит? Неужели для каждого из них на первом месте тщеславие и себялюбие? Думая о дочках лордов, Хаара едва подавляла приступ тошноты.

При дворе задерживаться не стали. Стражники косо смотрели в их сторону, так что, прислушавшись совета, компания направилась в город. Цурий разделил добычу и предупредил, чтобы не тратили сразу. Хааре хотелось выпить и сожрать жирный кусок мяса. А ещё отогреться. С наступлением темноты особенно холодало.

– Отметим? Я угощаю. – Цурий поставил перед Хаарой кружку с медовухой, и та без колебаний приняла её. Они выпили залпом почти по половине. – Так-то лучше... Здесь неплохо, лорд не солгал.

Хаара осмотрела пространство: в просторной комнате с рядом грубо сделанных столов расселись несколько компаний. На стенах из светлой древесины не было украшений, только висящие подсвечники, да пучок засушенной травы у входа. В дальнем конце стояли заколоченные бочки, с кухни пахло жареным. У стойки сидели два играющих на лютне барда, вокруг

которых суеились и пританцовывали местные шлюхи. Ромул и Хэльсин пристально смотрели на них, уже прикидывая, сколько готовы потратить на ночь, полную иллюзорной любви. Вкус медовухи Хаару удовлетворил, да и крольчатина оказалась съедобна. Неплохо... Цурий прав.

– Выглядишь расстроенной, всё нормально?

– Да, что может быть не так?

– Не знаю. Вас, женщин, попробуй разбери...

Хаара хмыкнула и закатила глаза.

– Я тут слышал... работёнка есть. На южной границе стычки со Сциллой. Как будто даже принц Расмус отправился туда с отрядом.

– Мы только закончили, а ты хочешь впутать нас в очередное дерьмо. Давай хотя бы потратим то, что заработали.

– Потратим быстрее, чем ты думаешь. В этих землях больше нечем поживиться.

– Я за, – отозвался Хэльсин, обгладывающий куриную ногу. – Юг – хорошее место. У меня здесь яйца мёрзнут, а к середине зимы станет ещё хуже.

– Я тоже за, – согласился Ромул. Хаара хлебнула медовухи. Она взглянула на промолчавшего Леоссара. В это мгновение дверь трактира открылась, впуслав в помещение сноп быстро растаявших снежинок. Вошла девушка в сопровождении высокого мужчины. Хааре понадобилась секунда, чтобы узнать её.

– Шаахова сука, что она здесь делает?

Мужчины бросили взгляд на вошедшую. Она тоже посмотрела в их сторону. Ровная осанка, солидный плащ, отделанный мехом. На секунду Хаара уловила холодный, но любопытный взгляд.

– Это дочка Эдварда? – уточнил Цурий.

– Я б её нагнул, – с ухмылкой сказал Ромул. Хаара буквально увидела вспыхнувшую в его глазах похоть и поморщилась.

– Потом тебя нагнёт меч её отца.

– Леди не должны посещать злчные места. И правда... что она здесь делает?

Стоило Цурию задаться этим вопросом, девушка направилась к ним. Она приспустила капюшон и, остановившись у столика, одарила сидевших за ним притворно-невинным взглядом.

– Простите, что вторгаюсь без приглашения. Меня зовут Хельга. Хотела лично поблагодарить вас за то, что оказали нашему краю услугу. Отец долго запрещал мне покидать поместье... Красный Кочевник несколько раз нападал на наших стражников, так что было не по себе... Но теперь все в безопасности. Разрешите угостить вас в честь нашей признательности?

– Ваш отец сполна заплатил нам, миледи, – отозвался Цурий спокойно, но Хааре показалось, будто он почувствовал подвох. Хельга безобидно улыбнулась, и Хаару бросило в дрожь. Мерзкая. Красивое лицо вызывало тошноту. Возможно потому, что на её фоне Хаара выглядела как жертва садала. Она с трудом отгоняла от себя желание указать красотке на её место. Лоб по-прежнему саднило от поцелуя с веткой. Хаара нутром чувствовала, что богатая сука смеётся над ней, собирается забрать то небольшое внимание, что у Хаары есть, разрушить минуту идиллии, которую так хотелось провести за едой, выпивкой и разговорами ни о чём. От этого она злилась сильнее. Почему нельзя просто встать и вышвырнуть девчонку к ссанью собачьему?

– Знаю, но хочу отпраздновать победу с вами. Как я уже сказала, мне пришлось долго просидеть взаперти, я истосковалась по людям. Вы же не возражаете?

Не дождавшись ответа, она обошла столик и намеренно опустилась между Хаарой и Леоссаром, задержав любопытный взгляд на последнем.

– Боюсь, наше общество покажется вам недостойным, – заметил Цурий. – Ваш отец будет переживать.

– Мой отец не узнает. Надеюсь, все умеют хранить секреты. – Она подмигнула Цурию и расположилась слишком вольготно в окружении головорезов. – Итак... вы расскажете, как наказали этого бандита?

– Я снесла ему башку, – ответила Хаара, намеренно приблизившись к девушке, чтобы та почувствовала запах пота и алкоголя. Она заметила, как в глазах Хельги мелькнуло отвращение, плохо скрытое за приторной улыбкой. Девушка почти сразу подвинулась к Леоссару.

– Снесла? Прошу прощения, мне показалось, что вы парень...

У Хаары дёрнулся глаз. «А мне показалось, тебе пошла бы отрубленная башка», – захотелось выплюнуть ей, но она сдержалась. Гадливая девчонка прекрасно знала, что перед ней девушка, но сделала вид, что не заметила. Хаара ответила ей кривой усмешкой.

– Ещё медовухи! – крикнул Цурий, то ли пытаясь разрядить обстановку, то ли решив, что лучший выход – напиться.

– В детстве у меня была мечта сбежать из дома с каким-нибудь наёмником и вместе с ним вершить суд над плохими людьми. Ну, знаете... не всем девочкам нравится то, что им навязывают как норму. Меня никогда не привлекало вышивание, зато я могу стрелять из лука.

– Поразительно, – искренне удивился Ромул. – Думаю, многие наёмники мечтали, чтобы с ними сбежала такая красавица.

– Заткнись, – Хэльсин пнул его ногой.

– Это будоражит? Битва, победа.

– Это воняет. Говном и страхом. Смерть не то, к чему стоит стремиться. Даже если ты её несёшь, – отозвалась Хаара. Цурий поставил перед ней ещё кружку.

– Милая, выражайся помягче, всё-таки здесь леди...

– Леди сама изволила праздновать с нами. Так что же винить людей с дороги за их жаргон? К тому же жизнь наёмников кажется ей увлекательной. Скольких людей, красотка, тебе пришлось убить? Сколько ублюдков пытались трахнуть тебя в переулке?

– Хаара... – Цурий положил руку ей на плечо, но Хаара проигнорировала это и придвинулась к Хельге так, что наступила на край её платья.

– Нравится такая жизнь, да? Хочешь захлёбываться в крови, смотреть на выпотрошенные тела, ставить свою вонючую шкуру на кон? Давай, присоединись... Могу выбить тебе пару зубов и сделать несколько порезов для устрашения, а то такое личико не напугает врага...

– Мы вас ненадолго оставим, – Цурий взял Хаару за руку и вытащил из-за стола. Девушка успела прихватить медовуху и бросить на Хельгу насмешливый, пытающий угрозой взгляд. Они отошли и сели у стойки.

– Слушай, я понятия не имею, что ей нужно, поэтому лучше нам вести себя сдержанно.

– Она мне не нравится.

– Она тебе ничего не сделала.

– Она тупая сука. Думаешь, я должна выслушивать романтический бред про жизнь наёмников, когда, вообще-то знаю, что это такое? Тебя самого не бесит? Или не видишь очевидного из-за смазливового личика?

– О, ты правда думаешь, что я ведусь на такое? Я, конечно, могу понять, женская ревность..., но поверь, моё сердце всецело принадлежит тебе.

Хаара пренебрежительно хмыкнула и покачала головой.

– Как будто я на него претендую.

– Вот это обидно. Давай просто выпьем?

Цурий поднял кружку. Хаара чокнулась с ним и опрокинула в себя медовуху. Приятное тепло, притупляющее острые чувства и скверные мысли, разлилось по телу. Девушка покосилась в сторону столика, где оставила мужчин и Хельгу, а, заметив, что та охотно болтает с Леоссаром, скривилась, будто лицемерила испражнение жабы. Она давно перестала отдавать себе отчёт, почему реагирует, когда какая-нибудь девица липнет к магу. Их было немало.

Красивое лицо пленило, но Леос каждый раз уверял, что брезгует спать с людьми. Он был мил с ними, чтобы не выделяться, поддерживал разговор и даже разыгрывал интерес, чтобы не вызвать подозрений. Хаара же в этом не нуждалась, она знала его секрет, и потому с ней маг оставался холоден и язвителен. Её секрет он тоже знал. Иногда Хааре казалось, что она перестаёт чувствовать себя женщиной. В седле, за выпивкой, протыкая чью-нибудь глотку, она всё реже вспоминала о своей благородной крови, а ведь эта Хельга и представить не может, насколько Хаара выше неё по положению. Принцессе казалось, что так даже лучше. Всё равно она не женщина в полном смысле этого слова. Она никогда не подарит Ревердасу наследника, не узнает «прелестей» материнства, может, и не стоит к этой роли стремиться? Наёмники считали её своей, но никаких поползновений с их стороны не было, если не учитывать редкого флирта Цурия. Хаара не знала – дурацкая это шутка или глас безысходности. Ей было трудно представить, будто её поджарое, лишённое красивых форм и покрытое шрамами тело станет желанным для кого-то. Ни пышной груди, ни широких бёдер. Всё то, на что обычно смотрят мужчины, выглядело у Хаары мальчишеским. Волосы, которые она неровно отрезала в Рийске, отрасли настолько, что их можно было собрать в хвостик или короткие косы, и Хаара надеялась, что выглядит не так плохо, как по пути в Дэррад. Если бы ещё ссадины и синяки появлялись с меньшей частотой, а лицо реже прикладывалось к грубым поверхностям...

– Не пялся на них, это странно, – сказал Цурий, заметив, что Хаара не сводит с Хельги глаз.

– Хочет сбежать с наёмником... надо же додуматься...

– Ты же додумалась. – Цурий расплылся в улыбке.

– Не сравнивай. Я к вам не из уютного гнёздышка выпорхнула.

– Романтическая чушь, не бери в голову.

– Схватить бы, да отвезти к папаше, пусть поделится мечтами с ним, попросит благословения. Как думаешь, Эдвард поблагодарит?

– Скорее, проблем не оберётся. Уйдёт сама.

Внезапно Хельга поднялась и взяла Леоссара за руку. Хаара не слышала, что она ему сказала, но маг тоже встал. Они вышли из-за стола и присоединились к пляшущим пьянчугам и блудницам. На их фоне оба выглядели нелепо, словно спустились с пьедесталов величия в мир грязи и похоти.

– Дочурка лорда среди шлюх... – процедила Хаара, – Умилительно... ей идёт.

– Зато тебе не идёт ревность. Это качество неуверенных в себе людей, но ты же не такая. Хаара хмыкнула.

– Между ревностью и презрением большая разница. Ты путаешь понятия.

– А ты вешаешь мне лапшу на уши. Между вами что-то есть? Я так и не понял, в каких вы с Леоссаром отношениях. Не брат с сестрой и как будто не женщина с мужчиной. Кто вы друг другу?

Хаара много раз задавалась этим вопросом, но ответить могла лишь самой себе. Она пожала плечами.

– Никто, в общем-то. Просто жизнь свела.

– Ты к нему равнодушна?

– С чего ты взял?

– Чутьё.

– Подводит, ищейка. Пойду-ка я на покой, развлекайтесь.

– Составить тебе компанию? Нынче холодно спать в одиночестве.

– Отвали.

Девушка закрылась в комнате с жёсткой кроватью, где разлеглась, пытаясь справиться с головокружением. Подташнивало. Ноги налились тяжестью. Перед глазами мелькали образы, а в душу врезались слова Цурия. Равнодушна? Да, возможно... Шах его разберёт. Какая

разница? Она человек, а он маг. Она будущая королева, а он... Хаара не хотела продолжать эту цепочку. Ей ничего не нужно. Никакой любви, никого, кто мог бы стать препятствием. Проще пользоваться помощью тех, кто встретится по пути. Привязанности – это слабые места. Так всегда твердил отец. Так считали её предки. Хаара закрыла глаза и впервые за много месяцев вспомнила о Карлайле. Казалось, прошла вечность с тех пор, как они разлучились. Интересно, если поехать в Героу, встретятся ли они там? Шальная мысль породила болезненное чувство. Хаара на миг представила, как приезжает в крошечный дом, как удивлённый мужчина выскакивает во двор, и они говорят друг другу всё невысказанное. Может, он даже обещает снова следовать за ней. Но страшнее стало от мысли, что она никого там не найдёт. Что, если Карлайл не вернулся? Если поехал искать её и сгинул где-нибудь в дороге? Почувствовав тревогу, Хаара открыла глаза. Нет, Карлайл рассудительный и сильный, с ним всё хорошо... Иначе и быть не может.

– Жалеешь себя?

Хаара вздрогнула, услышав знакомый голос, и приподнялась, выискивая в темноте источник звука. Иландар стоял недалеко от окна, почти невидимый, будто полусгнивший, непохожий сам на себя.

– Я думала, ты умер.

– Почти пять лет как.

– Нет. Окончательно умер. Ты же исчез...

– Тропы, по которым ты ходишь, вызывают сомнения. Оставаться рядом всё опаснее. Ты проклята и все, кто с тобой связан.

– Правда? Настолько, что даже призраку страшно?

– Страшно должно быть тебе, сестрица. Уже представляешь, что Шаах сделает с твоей душой? А что сделает с теми беднягами, которые по незнанию довольствуются твоей компанией?

Хаара выдавила кривую усмешку и потянулась к рукояти меча.

– Интересно, что станет с признаком, если его проткнёт Ардисфаль?

Иландар нахмурился, потускнел и через секунду исчез вовсе. Хаара лишь успела дотронуться до эфеса. Сделав глубокий вдох, она улеглась на бок и попыталась заснуть, но, как назло, не удавалось. Голова кружилась, ломило спину. Она крутилась, силясь заглушить мыслями доносящийся шум. Иногда впадала в полудрёму и видела лицо Леоса. Он говорил что-то непонятное, менялся в чертах, превращался в Иландара. Хаара вздрагивала, когда кто-то проходил в коридоре. Прислушивалась, но комната мага будто оставалась пуста. Наконец она встала, чувствуя, что так и не сможет успокоиться. Открыла дверь и заметила, как Леоссар поднимается по лестнице. Царила глубокая ночь, шум снизу практически стих. Они встретились взглядами. Маг замедлился.

– Она ушла? – тут же спросила Хаара, не заботясь о том, заметит ли мужчина в этом личный интерес. Прозвучавший вопрос выдал её с потрохами, но Хаара устала делать вид, что ей всё равно. Даже Цурий видит, что это не так. Наверняка маг тоже, и он единственный, с кем Хаара может быть честна. Он знает о ней больше прочих, знает её тёмную сторону и при этом до сих пор не отвернулся, не сбежал, никому её не выдал.

– Да, а что? У тебя какие-то проблемы?

– Пить хочу.

Маг остановился у соседней комнаты, задержал на Хааре взгляд и кивнул в сторону двери.

– У меня есть вода, пойдём.

Замешкавшись на секунду, Хаара последовала за ним. Отомкнув замок, маг пустил её в прохладное пространство, нашарил флягу, которую бросил с вещами на кровать, и протянул Хааре. Той показалось, что рядом с Леоссаром до сих пор витает образ Хельги.

– Чего она хотела?

– Скрыться с красивым наёмником, избежав участи подстилки знатного престарелого мужа. Ребячество, не более. Как будто ты не поняла...

Хаара сделала глоток. В горле пересохло, а сердце билось неприлично быстро.

– А ты нехило выпила. Превращаешься в тех, с кем проводишь время.

Хаара вздёрнула бровь.

– Это сейчас что было? Упрёк? Конечно, ко мне ведь не липнут сыночки лордов и не пытаются затащить в постель. Того гляди, и я пересмотрела бы образ жизни.

Леоссар усмехнулся.

– Ты всегда обращаешь на это внимание. В чём дело, принцесса? Хочешь секса, так и скажи. Сделаю для тебя исключение.

– Катись-ка ты на хер. – Хаара почувствовала, как у неё звенит в ушах. Воздуха как будто не хватало. Не хотелось слышать ничего обидного и принижающего. Какого Шааха этот высокомерный придурок решил, что все жаждут с ним переспать? Как глупо и незначительно. Хаара закупила флягу и бросила мага. Тот ловко её поймал.

– Что же, это желание осуществимо. Как раз хотел сказать... я не поеду с вами на юг. Нам больше нет смысла держаться вместе. Я дал тебе всё, что мог, дальше и сама справишься. Не хочу рисковать жизнью ради возможности заработать. Любая неосторожность, и твои дружки на меня бросятся, а уж в форте беды точно не миновать. Не понимаю, зачем тебе это... Одно дело – ловить никчёмных убийц, и другое – драться с хорошо обученной армией. Это даже не наша земля. Впрочем, поступай как знаешь, это не моя забота.

Хаару как будто ударили под дых. Она почувствовала, что вот-вот потеряет равновесие, но изо всех сил старалась стоять ровно.

– А где наша земля? Ревердас? Напомню, нас, вообще-то, ищут. Или, думаешь, Светоносцы прощают обиды? Думаешь, можешь просто вернуться, осесть где-нибудь и спокойно дожить до старости? Ты что, идиот?

– Я всегда скитался, это привычный образ жизни. В нём есть определённый риск, и всё же он не столь велик, как в вашей компании.

– Ты серьёзно? Вот так просто уйдёшь? Струсишь?

– Не пытайся манипулировать мной, я вам ничем не обязан. Ты строишь грандиозные планы, но моей роли в них нет.

Хаара открыла рот, но не сразу нашлась с ответом. Действительно уйдёт? Такое развитие событий казалось ей чем-то маловероятным. Они ведь столько вместе прошли!

– Ты... да кому ты нужен, кроме нас? Кроме меня? Где ещё тебя будут считать за своего?

– Я не свой, принцесса.

– Да заткнись. – В глазах Хаары полыхнула злость, заслонившая обиду. – Хочешь сказать, ты был здесь только потому, что чувствовал себя должным? Я никогда не держала тебя насильно, я думала, всё обоюдно, и мы что-то значим друг для друга.

– Что, например?

Хаара пошатнулась и отступила на шаг.

– Что? Только не говори, будто воображала нас семьёй или братством. Не говори, что доверяла мне или что видишь в этих головорезах достоинства. Даже если с ними у тебя есть что-то общее, то со мной нет. Мы храним секреты друг друга, не более. И мы ничего друг другу не должны. Жаль, если ты рассчитывала на большее. Мне казалось, я не давал тебе повода.

Хаара почувствовала, что к глазам подступают слёзы, но не позволила им вылиться. Она поджала губы и набрала побольше воздуха. Слова мага отрезвляли и били сильнее плети. Нет, она не привязалась... она запрещала себе. Что за ужасное чувство? Почему больно? Почему тошнит?

– Ладно. Вали куда хочешь. Мне всё равно.

– Чудесно.

Хаара развернулась и направилась к двери, как вдруг почувствовала, что Леоссар ухватил её за запястье и притянул к себе. Она впервые оказалась в его объятиях, внутри всё сжалось, ей хотелось кричать. Маг был удивительно горячим, будто пылал. От него пахло алкоголем, мёдом и потом. Ухо обожгло дыхание, от которого по телу пробежала дрожь.

– Удачи тебе... Хизер. Надеюсь, ты получишь то, к чему стремишься.

На секунду она замерла, переваривая собственное имя. Оно резануло по слуху, напомнило ей о том, кто она есть... кем должна стать. Хаара зажмурилась, не зная, есть ли смысл отвечать. Боль хлестала будто плеть, девушке хотелось скрыться и побороть её. Благо маг отпустил, и, выскользнув из его рук, Хаара ринулась в коридор. Всю оставшуюся ночь она проплакала, но тихо, чтобы ни единый звук не просочился сквозь стены. Она не имела права быть слабой.

– Мы же собирались на юг. Едем, – сказала Хаара с утра, полностью очистив разум от влияния алкоголя. Отпечаток терзаний она скрыла напускной раздражённостью. Цурий вопросительно взглянул на неё. Растрёпанный, заспанный, он выглядел так, будто собирался торчать здесь ещё несколько дней.

– Что за спешка? Я думал, ты хочешь потратить золото.

– По дороге потрачу. Мне здесь надоело.

– Ладно. А где Леоссар?

– Он с нами не едет.

Цурий приподнял брови, но Хаара уже отвела взгляд. Только бы не отвечать на дурацкие вопросы, не выдать собственной разбитости. Ей хотелось отвлечься, преследовать кого-то, охотиться, сражаться – делать что угодно, лишь бы не думать о маге.

– Что-то случилось?

Хаара пожала плечами, пытаясь придать себе невозмутимый вид.

– Нет. Просто решил завязать. Он уже убрался отсюда, да и какая разница? Едем, золота много не бывает.

Цурий хотел задать вопрос, но выражение лица Хаары говорило громче всяких слов, и он воздержался. Взяв провиант и оседлав лошадей, через час наёмники выдвинулись в путь.

Глава 2 Сын

Наоми поморщилась, когда Дэлли, заплетая её волосы, неаккуратно дёрнула прядь. За окном тихо падали снежинки, и гул, обычно доносящийся с площади, звучал как будто приглушённо. Королева погладила уже округлившийся живот и едва заметно улыбнулась. Какое прекрасное чувство – знать, что ты станешь матерью. Почти перерождение души. Наоми мечтала забыть, какими жертвами ей это далось, но изредка посещавшие ночные кошмары не позволяли. Она надеялась, что Геул простит, ведь всё это не из злого умысла, а ради благого дела.

– Готово. – Дэлли вплела последнюю ленту, и Наоми покосилась в зеркало, чтобы увидеть собственное отражение. Оттуда на неё глянуло бледное, несколько пополневшее лицо. В светлых глазах теплились искры уверенности и невыразимого счастья. Королева улыбнулась, надеясь скрасить облик. Она даже нравилась себе в нынешнем состоянии.

– Спасибо, Дэлли, можешь идти.

Вид служанки, чьей сестре она вырезала сердце, давило на Наоми, но она не могла найти предлога, чтобы её отослать. К тому же Дэлли в отличие от большинства слуг относилась к ней с теплотой и пониманием. Думая о том, что сделала, Наоми чувствовала себя несчастной и считала дни до рождения сына. Может, рядом с ним у неё получится забыть?

Как только служанка скрылась, Наоми закрыла на щеколду дверь. Выглянула в окно и, убедившись, что Архорд, как и прежде, стоит, не наказанный за пороки и грехи, она достала дневник Иландара, уселась в кресло и принялась за чтение. Дурное самочувствие и частая рвота минувших недель вынудили отложить изучение находки, но Наоми держала в голове то, что секреты покойного короля теперь доверены ей.

«Они настаивают, чтобы я женился на Эоле Крирог или Грэтте Ансарской. Король должен заботиться о потомстве, выбрать себе хорошенькую жену знатной крови. Я обещал Юльге, что решу этот вопрос, хоть и знаю, что никто не одобрит наш брак, в особенности Отец Люрэс. Он стар, слишком предан устоям церкви и бдит, чтобы чтились традиции. Закостенелость и недалёковидность опутывают престол. Единственный вариант что-то исправить – поставить на места удобных мне людей, разделить престол и церковь, сделать корону независимой. Только вот как? Как убедить людей, что это верный путь, не став в их глазах отступником или безумцем? Не хочу, чтобы мой сын родился бастардом, чтобы его считали никем. И не хочу, чтобы ему однажды пришлось пережить то же, что и мне. Дети королевской крови не должны страдать только потому, что так решил их общий предок. Я пытался поделиться мыслями с Холгером, но этот высокомерный старикан недвусмысленно намекнул, что я превышаю свои полномочия. Сказал: „Кто вы такой, чтобы менять законы этой страны? Законы, которые благословил Геул“. Ему как будто плевать, что я король. Но властью мне данной я всё равно сделаю по-своему. К Шааху традиции Бердрора. Они просят слишком много крови».

Наоми бегала глазами по строчкам, что мало-помалу приобретали смысл. Иландар хотел сместить малый совет, поставить людей, что согласятся на глобальные реформы. Реформа престолонаследования... Неужели кто-то из Дефоу и впрямь на неё решился? Наоми пыталась понять, можно ли считать смерть короля карой за выпад против бога, и действительно ли Геул управлял рукой Лонгрена, когда та перерезала Иландару глотку. Она не хотела представлять жутких картин и сосредоточилась на других словах. Иландар говорил о сыне. Девушка по имени Юльга... кто она? Судя по записям, незнатного рода. Она понесла от него. Знал ли кто-то об этом? Если нет, что случилось с ребёнком? Какова вероятность, что род Дефоу не прервался? Мысль взбудоражила воображение Наоми. Возможно, мальчик даже не знает, чей он сын. Оно и к лучшему. Лонгрэн не постеснялся бы убить ребёнка, а так он может про-

жить полноценную, пусть и не подходящую статусу жизнь. В дверь постучали, и Наоми спрятали дневник под кроватью.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Периций, пристально следящий за течением беременности королевы. Как пособник, посвященный в преступную тайну, он проявлял особое участие, будто зреющий в Наоми ребенок принадлежал ему самому. Иногда Наоми посматривала на Периция с недоверием, пытаясь понять, какой интерес им движет. Предлагая ритуал, он не мог с твердостью сказать, сработает ли он, и теперь хотел убедиться, оправдывает ли результат ожидания. Нормальным ли родится ребёнок? Наоми не хотелось думать, что на нём останется след чёрной магии. Дети ни в чём не виноваты, и её сын чист во всех смыслах. Иначе не может быть... не должно.

Иногда Наоми видела кошмары, в которых производила на свет чудовище, плюющееся огнём, или существо с зелёной, покрытой слизью кожей. Каждый раз она плакала, пытаясь доказать остальным, что ребёнок нормален и это пройдёт, и каждый раз Лонгрен приказывал её истязать. А в одном из снов Наоми сжёг заживо собственный сын. Просыпаясь в холодном поту, королева молилась. Нет, с ней не случится ничего дурного. Её ребёнок – человек. Наоми гладила живот и надеялась, что это так.

Периций советовал не нервничать и чаще бывать на воздухе, так что королева старалась выходить на прогулки. Лонгрен, узнав о положении жены, немного смягчился, во всяком случае, оставил её в покое, а сам по-прежнему развлекался со своей шлюхой. Наоми пыталась игнорировать этот факт, ссылаясь на то, что сейчас не слишком привлекательна. Королю нужно выпускать пар, в стране неспокойно. Всё изменится, когда она родит.

– Неплохо, только лёгкая усталость донимает. Периций, ты ведь давно при дворе?

– Да, ваше величество. Я пережил нескольких королей.

– Скажи, ты когда-нибудь знал девушку по имени Юльга?

Мужчина бросил на королеву острый взгляд, и та напряглась.

– Почему вы спрашиваете?

– Да так... просто. Услышала где-то, стало любопытно.

Наоми показалось, что лекарь неохотно поверил в её версию.

– Да, была такая. Одна из швей. Темноволосая, юная, хорошенькая... припоминаю. Если посудить, в юности все хороши, но человеческий срок краток.

– Что с ней стало?

– Не знаю. Когда ваш муж... стал королём, его люди не слишком милосердно обошлись с женщинами, служащими при Дефоу. Возможно, её убили. Я не осведомлён.

– Кто-нибудь может знать? Остался кто-то, кто был знаком с ней?

– Да, пожалуй. Розмари или Глисса. Хотя воспоминаниям старых маразматиков я бы не доверял. Почему вас так беспокоит участь девушки, чьё имя вы услышали случайно? Не поделитесь тайной? Возможно, тогда я смог бы чем-то помочь.

На мгновение Наоми задумалась, не сказать ли правду, но быстро отмела эту мысль. Она пока не знала, как распорядиться полученной информацией, поэтому решила держать его при себе.

– Нет никакой тайны. Просто ищу, чем развлечь себя.

– Тогда сыграйте со мной партию в шахматы. Как раз успею до обеда.

Наоми согласилась. Иногда ей нравилась корпеть над тактикой, но, когда мысли были далеко, игра не шла на лад, и Периций легко побеждал. Она допускала глупейшие промахи, подставлялась под пешки противника. Временами королеве казалось, что из неё ужасный стратег.

После обеда, на который Лонгрен не явился в связи с неотложными делами, Наоми отправилась на поиски старой Розмари. Раньше она была первой модисткой королевы Эдды, но годы брали своё. Зрение ухудшалось, руки тряслись, что мешало делать ровные швы, так что теперь

Розмари мыла полы, да складывала ткани. Молодые портнихи посмеивались, когда заставляли её за разговором в полном одиночестве. Розмари то ли представляла лучшие годы, то ли они действительно мерещились ей. «Да, этот цвет вам к лицу, мы добавим кружев», – говорила она пустоте, как будто бралась за пошив очередного платья. Наоми застала её за муторной работой: Розмари перебирала смешавшиеся бусины и раскладывала в разные мешочки. Завидев королеву, она встала и поклонилась. Лицо на секунду исказилось от боли, и Наоми увидела, как женщина схватилась за спину.

– Ваше величество...

– Садитесь, Розмари, всё в порядке.

– Вы уж простите старуху... Как-то быстро нагрянуло время, когда простые вещи стали казаться сложными. С высоты молодости иногда смотришь на старых и думаешь: чего они еле-еле передвигаются? А потом понимаешь: всё будто по швам трещит. Я могу вам чем-то помочь?

– Да, я хотела узнать кое-что. Про девушку... она должна была быть вашей подчинённой. Юльга. Знаете такую?

Розмари думала недолго.

– Да, рукастая девица была. Правда очень скрытная. Перед тем, как... во дворце случились события... странновато себя вела. Нервничала много, с работой не ладила. Да и лихорадило её. Я, конечно, не глупая, смекнула, что она в положении, но один Геул ведает, кто отец.

– Ребёнок родился? Вы знаете, где она?

– Слыхала, что в «Доме Роз», но то уж год назад было, сейчас не представляю.

– «Дом Роз»? – Наоми напряглась, но не смогла припомнить места с таким названием.

– О таких углах девушкам благородных кровей лучше не знать. Бордель это. Один из первых в городе.

Наоми передёрнуло. Место похоти и разврата с кучей девушек, что продают свои тела за деньги. Отвратительно. Неужели там действительно могла оказаться женщина, выносившая сына Иландара Дефоу? Поблагодарив Розмари, Наоми вернулась к себе в комнату и попросила Дэлли разыскать Яра. Не могла же она сама отправиться в такую клоаку, а выяснить о Юльге хотелось.

Яр без энтузиазма, но согласился выполнить поручение. Наоми нравилось, что он не задавал вопросов, хотя она видела, что иногда мужчине трудно сдержаться. Они словно договорились в тот день, когда королева решила принести жертву, эта тайна связала их, и Наоми не без удовольствия обнаружила, что Яр умеет держать язык за зубами. Дорогу до «Дома Роз», как и многие мужчины Архорда, он знал хорошо. Появившись на его пороге, он тут же был удостоен слащавой улыбки самой Роз – хозяйки борделя. Некогда лучшая шлюха, а теперь состарившаяся и потерявшая форму, она по-прежнему ласково говорила с клиентами и учила девиц, как правильно их обслуживать. Никакие косметические средства не спасали её морщинистую кожу, и сколько бы изящно она ни завивала волосы, седина выдавала её возраст. Роз носила яркие, открытые платья, выбирала жёсткие корсеты, изо всех сил стараясь придать форму обвисшей груди, и часто окружала себя цветами, считая, что их запах расположит клиентов. Яр заметил полуобнажённых девиц, сидящих на бархатных диванах в дальнем конце комнаты. Специфический запах пота перебивали благовония, так что воздух казался тяжёлым и густым. Роз подошла к нему, сверкнув дряхлыми достоинствами и побрякушками, которыми увешивала шею.

– Добро пожаловать, господин... чем мы можем вас сегодня порадовать?

Яр пробежался взглядом по лицам улыбающихся девиц и по их торчащим соскам, хорошо заметным через прозрачный шёлк. Искушение схватило в тиски. Яр сделал глубокий вдох, сосредотачиваясь на другом. Сегодня он здесь не за мимолётным удовольствием.

– Меня интересует девушка по имени Юльга.

Роз сделала маленький шагок назад, слегка приподняла бровь и пожала плечами.

– Боюсь, у нас такой нет.

– Уверены? Один друг посоветовал мне её. Сказал: «божественно хороша».

– Я убеждена и знаю поимённо всех своих девочек. Может, вы что-то напутали?

Яр выудил из кармана золотой и показал его женщине. Он заметил искру, проскользнувшую в глазах Роз, однако любезная улыбка сползла с её лица.

– Я правда хотела бы помочь, но уверена, что не знаю такой девушки. Могу предложить вам любую другую. Как насчёт Карлоты? Уверяю, она заставит вас вернуться.

Яр заметил, как рыжеволосая девица помахала ему с дивана, и убрал золотой в карман.

– Жаль..., но мне нужна была Юльга. Может, в другой раз.

Блеск погас в глазах Роз, и она быстро потеряла интерес. Нет толку любезничать с клиентом, который не собирается тратить денег. Яр ещё раз посмотрел на девушек и вышел из борделя. Угрозило же королеву искать какую-то шлюху... Мужчина вообще не понимал, что происходит в стенах дворца. Убеждённый в том, что Наоми просто тень короля, он быстро поменял своё мнение после того, как вернулся с ней из поездки. Убитая служанка, теперь шлюха... Вопросов возникало много, но мужчина не решался их озвучить. Интересно, знает ли король о деятельности своей жены? Яр сомневался, но предпочитал держать язык за зубами. Придётся расстроить королеву, шаахову суку так просто не найти. Он уже отходил, когда какая-то девица окликнула его.

– Кто посоветовал вам эту девушку?

Яр уставился на некогда миловидное светлое лицо, на котором отпечатались усталость и равнодушие, на тёмные густые локоны, спускающиеся до локтей, стройное тело и тонкие запястья. Девушка была красива, не слишком высокого роста. По несвойственной для шлюх скованной позе Яр понял, что она нервничает. Девушка не рискнула отойти далеко от порога и практически спряталась в тени козырька. Она вышла на улицу в неплотной накидке и теперь тряслась от холода.

– Знаешь её?

– Нет.

– Лжёшь, иначе бы ты не пошла за мной.

Девушка отступила и скрестила руки на груди.

– Просто показалось, я слышала это имя.

– Может, вспомнишь, кому оно принадлежит?

– Не думаю.

– Попробуй. Я ещё загляну.

Мужчина удержал в памяти черты говорившей. Она наверняка что-то знала. Вопрос в том, как это выяснить. Что бы ни затевала королева, история пахла неприятностями, и Яр решил действовать осторожно.

Глава 3 Сущность

Очнувшись, Гелата обнаружила, что сидит на полу заброшенного амбара. Через широкие отверстия в крыше сыпались мелкие снежинки. Во рту был отвратительный привкус, смешанный из меди, желчи и какой-то тухлятины. Гелата почувствовала, что её вот-вот вырвет. Согнувшись, пытаясь унять позыв и увидела, что сидит возле тела... развороченного, растерзанного на куски. Несколько секунд она смотрела на то, что когда-то было девочкой. Об этом свидетельствовали худоба сохранившихся запястий, уцелевшие черты лица и порванное, запачканное платье. В разных частях тела были выдраны куски плоти. Сильнее всего пострадала грудина: теперь она представляла собой кровавое месиво, дыру, что проделали с особой жестокостью, дабы вырвать сердце. Кое-где торчали кости, маленькие алые струйки ещё сочились по коже. От этого зрелища голова окончательно закружилась, и Гелату вырвало чем-то красным и мерзким. Слезная пелена застелила глаза. Первобытный ужас бил по рассудку, хотя девушка лишь отдалённо представляла, что случилось. Она ничего не помнила.

Подобное повторялось уже несколько раз. Память как будто вырывали кусками. Гелата оказывалась в местах, куда не помнила, как попала. Каждый раз ощущала жуткий привкус, тошноту, страх... Видела свои испачканные руки, и вот теперь очнулась на месте преступления. Гелата почти не сомневалась, что именно она стала причиной смерти несчастной, но объяснить свой поступок не могла. Она всмотрелась в то, чем её вытошнило, зажала рот и отползла, не в силах даже выдать крик. Гелата жрала её... труп или ещё живого человека. Убила, чтобы сожрать. Почему? И почему память ничего не сохранила?

Гелата ощупала себя на предмет травм, но ничего не обнаружила. Она не помнила, как убивала. Не знала, сопротивлялась ли жертва, была ли мучительна её смерть. Иногда Гелате казалось, что она не существует, будто тело живёт само по себе. Она всё чаще выпала из реальности, и это пугало. Что, если однажды её поймают? Гелата поднялась, осмотрелась и прислушалась. Не было ли свидетелей? Мерцающий в тусклом свете мир молчал. Тишина обещала сохранить тайну. Нужно убираться и подальше.

Стараясь не смотреть на труп, Гелата переступила его и выскочила из амбара. Она захватила горсть рыхлого снега и начала оттирать руки. Приметит кто в таком виде – и несдобровать. Слой выпал небольшой, Гелате приходилось загребать снег снова и снова, но кровь только размазывалась, никак не желая оттираться. Неподальёку виднелась деревенька. Нужно идти в другом направлении. Гелате не хотелось сталкиваться с живыми, равно как и с мёртвыми. С трудом оттерев от крови лицо, она бросилась к темнеющим вдалеке зарослям, надеясь, что падающие крупницы скроют следы.

Астрид сморщилась, обводя взглядом сгоревшие останки домов, укрываемых снегом, будто саваном. Запах гари до сих пор не улетучился, хотя жар давно исчез, и о трагедии теперь напоминала лишь разруха: торчащие, словно гнилые зубы, заборы, разбросанная в спешке утварь, валяющиеся тела, которые Светоносцы не успели собрать. Они хоронили покойников в общей могиле – не хватало сил, чтобы вырыть пространство каждому в стылой земле. Астрид отчётливо представляла деревню в её худший час: как полыхнул пожарище, а из мрака явились тени, рубящие бегущих и сражающихся без разбору. Маги скрылись, Эсхаль так и не был найден, а работы прибавилось. Женщина понимала – ещё одна мёртвая деревня – и король снимет с них головы.

Светоносцев собралось несколько десятков – за последние годы это самая большая сходка, но даже в таком количестве они представляли собой лишь разрозненную массу. Привыкшие охотиться группами, они терялись при виде ожесточённых зверств, и многие, пора-

жённые падением Эддута, утратили доверие к главе ордена, пусть даже этот пост заняла Астрид. Эддут по-прежнему был в седле. Если поначалу женщине казалось, что он пал духом, то день ото дня мужчина оживал и неустанно практиковался с мечом оставшейся рукой. Иногда она ловила тоскливый взгляд, брошенный на обычный клинок. Утрата Эсхалы лишила его особенности и силы. Астрид надеялась, что оружие можно вернуть, хотя в душе она чувствовала, что маги позаботились о нём. Это сильно усложняло задачу. Тем не менее она приказала всем искать девчонку. Множество раз блондинок разных возрастов и комплекций выстраивали в колонну, сгоняли из деревень на смотр, но каждый раз Эддут качал головой, давая понять, что нужной среди них нет. «Мы найдём её, – убеждала себя Астрид, – найдём их всех, и тогда никто не избежит расплаты».

Застав Эддута неподалёку от кладбища, Астрид заметила, что он молится. Она осторожно приблизилась, не решаясь нарушить тишину, и бросила взгляд на яму, которую ещё не засыпали землёй. Эддут будто уловил её присутствие и, не поворачиваясь, сказал:

– Помолись со мной.

Астрид не возражала. Они встали бок о бок и вознесли Геул молитву, прося успокоения для почивших и милосердия для живых. Неподалёку слышалась возня, бесцеремонно нарушающая миг скорби. Да чего уж там, Светоносцы, скорее, боялись за свои шкуры, чем сопереживали погибшим. При их работе нельзя было проявлять излишнюю жалость. Люди умирают каждый день. Никаких сил не хватит, чтобы оплакать каждого. Эддут первым нарушил молчание.

– Что собираешься делать?

– Искать следы. Зима умеет быть скверной, пока мы ехали, снег всё засыпал. Не складывается впечатление, будто Геул на стороне врага?

– Не говори глупостей. Он просто шлёт нам испытание. Мы развратились душами и ослабили телами.

– Тяжёлые времена рожают сильных людей?

– Верно.

– Ты веришь в то, что говорят?

Эддут вопросительно приподнял бровь.

– О ходячих мертвецах, – пояснила Астрид, – и тварях, что жрут людей. Последнее ещё кажется возможным, но ходячие трупы... На такое даже маги не способны. Да и чего ради поднимать кого-то из могилы? Неужели людям нравится разводить панику? Все и так напуганы.

Эддут пожал плечами.

– Я верю в то, что у нас серьёзный враг, и, если мы ничего не сделаем, погибнет ещё куча невинных.

– Нас мало, многие не имеют опыта в серьёзных сражениях. Новобранцы хуже детей... Их даже «красная кара» не спасёт. Зимой непросто, нам нужны охотники... Я отправляла прошение королю, но он не дал людей, сказал, что все желающие имеют право присоединиться добровольно, только вот кому это нужно?

– Справимся. Не стоит отчаиваться, от тебя многое зависит.

– Астрид! – Женщина обернулась и увидела приближающуюся мужскую фигуру. – Мы нашли следы на северной дороге. Там проезжал как будто отряд... дюжина, не меньше.

Астрид набрала побольше воздуха, стараясь сохранить невозмутимый вид. Дюжина магов – это крупная проблема. Если они не разделятся, поймать и убить будет непросто. Она посмотрела вверх, но не увидела Цевеля. Последний улетел около двух часов назад и пока не вернулся. Астрид надеялась, что хотя бы он поможет выследить ублюдков, однако оборотни были не защищены от магии, а разбушевавшиеся маги хорошо скрывали присутствие.

– Странно, – сказала она, выдержав паузу, – тебе не кажется, что они не идут куда-то целенаправленно? Будто... просто дают круг по стране.

– Не знаю, – выдохнул Эддут, – но то, что они взяли курс на север – ничем хорошим не обернётся. Нельзя допустить, чтобы они подошли к столице.

– Отправляемся.

Аэдан дышал на заочеченевшие кисти рук, но те всё равно не согревались. Костры предпочитали не разводить: слишком много улик, которые не спрячешь. Светоносцы дышали в спину, и, хотя мужчина надеялся, что снег скрыл их присутствие, тревожное чувство не покидало. Всё это напоминало игру, хотя с тех пор, как Эддут Красный утратил Эсхаль, пыл святого воинства поумерился. Аэдан даже верил, что маги одержат победу при прямом столкновении, но пока было не время. Аэдан собирал армию: по крупицам, находил и вытаскивал магов из самых дальних земель, вызволял даже тех, кто уже был клеймён, и мстил. Собирался мстить до конца, ведь от рук этих несправедливо наделённых властью тварей погибли его мать и нерожденный брат. После этого ушёл и отец. Решил стать отшельником, найти лекарство от того, от чего нельзя вылечить. Сошёл с ума, раз уверовал в успех своих экспериментов. Аэдан смотрел на мир реалистичней. В последние десятилетия Светоносцы расслабились, решив, что практически искоренили магов, но за годы страданий те научились выживать, скрываться, и всё это время они копили свою злость. Аэдан был уверен, что никакое лекарство не понадобится, если уничтожить врага. Они сожгут деревню за деревней, лишат Ревердас возможности собрать силы, отрежут пути отступления, а потом ударят в глаз. Сидящим в Архорде будет некуда податься. Светоносцев они измотают, проведут по таким землям, где половина из них умрёт от голода, ядовитых испарений и погодных условий. Плевать, что на них не действует магия. Там, где благодаря дару выживет маг, далеко не всегда выживет человек, а природа умеет быть жестокой. Аэдану нравилось быть источником страха, нравилось видеть испуганные лица, на которых застывало осознание приближающегося конца. Запах горелой плоти врага напоминал благоухание цветка победы. Светоносцы не могут поспеть везде, они заподозрили, что маги объединились и решили собраться тоже, но Аэдан это предвидел и внутренне посмеивался. Он их не боялся.

Мужчина поёжился и попытался разогнать энергию по телу, чтобы согреться. Его тревожило только одно: слухи о поднявшихся мертвецах. Возможно, люди напридумывали чуши, опасаясь за свои шкуры. Они вообще склонны гиперболизировать проблемы, наверное, хотят чувствовать себя героями при их решении. Аэдан не верил всему, что слышит, но далёкий голос в глубине сознания всё же спрашивал: «Вдруг правда?»

Аэдан пытался прикинуть, способен ли кто-то из магов на такое. Даже если ликиец заставит труп встать, то быстро устанет, пытаясь управлять им. Затрата сил, которая не приносит пользы. Это по меньшей мере бессмысленно. Хотя... было бы неплохо обладать армией, которая никогда не устаёт, не спит и не ест, не чувствует страха и боли. С такой армией не пришлось бы тянуть время, Ревердас бы упал к его ногам, а затем и весь мир. Красивая мечта, пусть и отдающая гнилью. Но она неисполнима. Потому что мёртвое всегда остаётся мёртвым. А слухи – глупость и выдумки сумасшедших. Зачем-то люди шептались, будто трупы не просто вставали, но бегали, нападали и жрали живых. Их умирал только огонь. Может, в этом и есть доля правды? Что, если это эксперименты Этцеля? Мог ли отец зайти так далеко в своём безумии? Хотелось верить, что всему есть объяснение. Одно дело – противостоять людям, и другое – невесть чему. «Бредни», – успокаивал себя маг. Нужно сосредоточиться на реальном враге, на том, что всё время был поблизости.

Аэдан взглянул вверх и увидел кружащего в выси орла. Он давно заметил его присутствие и знал, что это не просто птица. Оборотни редко высывались из нор, Аэдан прези-

рал их за трусость. Ещё больше презирал тех, кто добровольно согласился служить людям. Лучше умереть, чем позволить управлять собой. Этот орёл явно наблюдал. Наверняка посыльный Светоносцев. Не хватало ещё, чтобы он направил их по верному следу. Птица не снижалась, и Аэдан заметил, что она собралась улетать. Нет уж, так не пойдёт.

– Эй, Увари, сбей-ка эту дрянь. За нами следят, нельзя, чтобы он ушёл.

Маг ветра вскинул голову и тут же поднялся на ноги. Остальные, услышав голос Аэдана, тоже насторожились.

– Проклятье Светоносцев, и давно он следует за нами? – поинтересовался Хеяр, ведри, раздражающий Аэдана своей несдержанностью и плоскими шутками. Он не потрудился ему ответить. Хеяр открыл рот, чтобы повторить вопрос, но заметив напряжённый взгляд главы, заткнулся. Увари тем временем выставил перед собой руки, сделал несколько хаотичных движений, и воздух начал собираться перед ним, образуя воронку, закручивающуюся всё сильнее и сильнее, рустующую со столь стремительной силой, что маги поблизости напряглись. Подул сильный ветер, режущий глаза. Аэдан прищурился. Холод стал ощущаться ярче. Поток закручивающегося воздуха взлетел вверх и быстро расширился, втягивая в себя всё, что было поблизости. Аэдан сжал кулаки. Только бы орёл не успел улететь. Он увидел, как тот дёрнулся, изо всех сил пытаясь опередить растущую воронку, но магия Увари оказалась сильнее. Поток воздуха сбил летящего орла, закрутил его, неестественно выгнул крылья, подбросил, а затем отпустил. Увари выпрямился. Воронка исчезла, а оборотень полетел вниз. Он был ещё жив, жалко бил по воздуху сломанными крыльями, но ничего не мог сделать. Аэдан встал. Он хотел убедиться, что орлу конец.

– Пойти с тобой? – спросил Увари, заметив, что Аэдан намерен углубиться в чашу.

– Нет нужды.

Аэдан видел, где упал орёл. Теперь он найдёт его по запаху крови. К счастью, идти далеко не пришлось. Аэдан обнаружил корчащуюся в снегу птицу через десять минут ходьбы от лагеря. Вероятно, оборотень цеплялся за ветки, чтобы смягчить падение. Он был жив, но не в состоянии подняться. Аэдан знал, что он мучается от боли. Буквально чувствовал расплзающийся запах страха. Приблизившись, он заглянул птице в глаза.

– Обращайся.

Голос звучал повелительно. Орёл дёрнул головой, а через секунду забился всем телом. Он стал увеличиваться в размерах. Аэдан услышал хруст, а затем и болезненный вскрик. Через несколько минут перед ним на снегу лежало переломанное обнажённое тело.

– У-убей м-меня... – простонал оборотень, глядя на Аэдана широко распахнутыми глазами. На его лице отпечатались боль и ужас. Страх не перед смертью, а перед мучительной дорогой к ней.

– С кем у тебя договор? – поинтересовался маг, но оборотень промолчал. Тогда Аэдан выпустил из рук энергию и заставил сломанные кости в теле орла зашевелиться. Последний истошно закричал.

– Я могу превратить твои предсмертные часы в пытку. Этого можно избежать, если сотрудничать. Участь Светоносцев не твоя забота. Стоят ли они твоих мук? К тому времени, как я отсюда уйду, ты будешь уже мёртв. Ты – больше не часть этой истории, поэтому отвечай. Кто у них главный? По-прежнему Эддут, или его списали со счетов? Я слышал, ему отрубили руку.

– А-Астрид, – с трудом просипел оборотень, из глаз которого градом струились слёзы.

– Астрид? Я слышал это имя. Насколько она опасна? У неё есть оружие, о котором мы не знаем? Что-то вроде Эсхалы?

– Д-да...

Аэдан прищурился и ниже склонился над оборотнем.

– Да? Какое?

– Н-не с-скажу.

Маг презрительно улыбнулся.

– Не скажешь? Знаешь, лгать – нехорошо, – Аэдан наступил мужчине на грудь, – а я чувствую запах твоей лжи. Я не тот, кого ты и тебе подобные могут обмануть. Вы глупы, бесполезны и слабы. Я не могу понять одного: почему мы убегаем от вас, а не наоборот? Чувствуешь? Ветер перемен. Эпоха людей прошла. Я уничтожу орден Светоносцев, выну сердце короля, освобожу землю, которая принадлежит нам, и вы ничего не сможете сделать. Потому что ваш бог вам не поможет. Я бы повесил твой труп на видном месте, но зачем привлекать ненужное внимание?

Аэдан вскинул руку, и земля вместе со снегом разверзлась в метре от него. Оборотень забежал глазами, чувствуя, что конец близок. Аэдан даже услышал, как стучит его сердце. Он толкнул мужчину в яму. Оборотень вскрикнул, но Аэдан уже сомкнул разлом, заживо поглотивший жертву. Маг надеялся, что у Светоносцев нет других, менее заметных шпионов. Не хотелось бы внезапных неприятностей.

Глава 4 Поиск

Выслушав рассказ Яра, Наоми поняла, что поиск застопорился, но ухватила за надежду – та девушка могла что-то знать. Если бы она лично видела Юльгу в глаза или хотя бы нашла её портрет, это бы облегчило задачу. Не секрет, что блудницы часто меняют имена. Со слов Периция Наоми знала, что Юльга темноволосая, так что за помощью вновь пришлось обратиться к Розмари.

– Ваша заинтересованность этой девушкой будит моё любопытство.

Наоми знала, что не обязана отчитываться перед подчинёнными, но боялась, что их вопросы могут дойти до Лонгрена. Тогда уж будет сложно оправдаться. Игра с огнём. Стоила ли она свеч?

– Во дворце пропала драгоценная вещь. Есть предположение, что её забрал кто-то из бывших слуг. Небольшая проверка, не более. Ничего интересного.

Женщина описала девушку, какой помнила, и Яр, внимательно выслушав рассказ, постарался соотнести его с образами увиденных распутниц. Больше всех под описание подходила выскочившая за ним незнакомка. То, что она и была искомой девушкой, объясняло её обеспокоенность. Есть ли ей чего бояться? Не сбежит ли?

– У меня на примете есть девушка. Вы могли бы узнать её?

Розмари кивнула. Наоми чувствовала, что идея сомнительная, но всё-таки разрешила отвести женщину в бордель. Роз удивилась, увидев на пороге мужчину в сопровождении пожилой спутницы, а та побледнела, будто испугалась, что кто-нибудь посягнёт на её честь.

– Узнаешь кого-то из них?

Розмари обвела взглядом девушек и быстро остановилась на одной, немедленно отвернувшейся, будто испугавшейся солнечного света.

– Я могу вам чем-то помочь? – насторожившаяся Роз вышла к посетителям, и сегодня на её лице не было обольстительной улыбки. Яр уже понял, что она помнит его. Наверняка обеспокоилась после того, как он приходил с расспросами. Есть смысл опасаться, когда скрываешь информацию от людей короля.

– Вот же она...

– Уверена?

Яр проследил за взглядом женщины и узнал ту самую шлюшку, выбежавшую за ним в прошлый раз. Конечно... он так и думал.

– Бесспорно, это Юльга.

Услышав собственное имя, Юльга спрыгнула с дивана и бросилась в комнаты. Яр немедленно погнался за ней.

– Что вы делаете?! – воскликнула Роз, пытаясь преградить мужчине путь, но тот грубо оттолкнул её. Женщина едва не уронила роскошную вазу с цветами и чудом удержалась на ногах. Сделав глубокий вдох и побагровев от ярости, она кинулась за непрошеным гостем. – Вы пугаете девушек и клиентов! Немедленно уходите, или я позову стражу!

– Я сам стража, так что заткнись, или будешь отвечать перед королевой.

Услышав упоминание Наоми, Роз замешкалась и застыла. Юльга бросилась в одну из комнат, откуда доносились стоны, бесцеремонно ворвалась и попыталась захлопнуть дверь, но Яр вовремя навалился и оказался внутри. Лежащая на кровати проститутка вскрикнула, а какой-то молоденький обнажённый соплик рефлекторно потянулся за одеялом, пытаясь прикрыть наготу.

– Что происходит? Вы кто такие?!

Юльга подалась к окну, но Яр ухватил её за волосы и рывком притянул к себе. Она вскрикнула, попыталась вырваться, но упала на пол и охнула. Яр крепче схватил её.

– Простите за вторжение, продолжайте, – бросил он «любовникам», вытаскивая беглянку наружу.

– Отпустите! Мне больно!

– Не нужно было бегать, пока я спрашивал вежливо.

– Во имя Геула, вы испортите репутацию нашего дома! Мне придётся вернуть клиенту деньги! Вы с ума сошли! – возмущалась Роз, глядя на то, как Яр пытается поднять Юльгу на ноги. – Что вы себе позволяете? Отпустите её немедленно! – Роз потянула к Яру тощие руки, но он отпихнул её локтем.

– Мы уже уходим.

– Это издевательство! Заплатите за ущерб!

– На вашем месте я бы держал язык за зубами. Люди королевы ещё вернутся, чтобы спросить, почему вы покрывали эту девушку.

Глаза Роз округлились. В них застыли сомнение и страх.

– Я никого не покрывала... это Шантель, я понятия не имела, что у неё есть второе имя и что вы её ищите!

– Ну это легко проверить. – Яр бросил на женщину недвусмысленный взгляд и выволок Юльгу наружу, туда, куда уже поспешила убраться Розмари.

Мужчина не знал, разумно ли вести шлюху прямо к королеве – у кого-нибудь из свидетелей могут возникнуть вопросы, да и не пристало подобной дряни переступать порог дворца, – поэтому запер её в подвале под ангаром, а когда Наоми явилась, вытащил и бросил к её ногам. У королевы перехватило дыхание при виде бледного, искажённого страхом лица, спутанных волос и непристойной одежды. Словно забитый зверь, Юльга попыталась отползти и глянула на королеву исподлобья. Отчаяние перекрывало злобу. Девушку трясло не то от ужаса, не то от холода. Наоми не сразу сообразила, что сказать или сделать. До этого момента она представляла Юльгу как абстрактный образ. Некая несуществующая девушка, наверняка мёртвая, как и сам Иландар. Казалось, с покойным королём ушло всё, что было с ним связано. Наоми не верила в то, что сможет действительно найти нить, ведущую к Дефоу. Она боялась узнать правду. Что, если их род вовсе не прерван? Если всё это время Лонгрен и члены совета заблуждались? Если кто-то решится устроить государственный переворот? Она смотрела на шлюху и не могла представить, что когда-то её любил король. Конечно, в те годы она могла выглядеть лучше. Что случилось с ней после смерти Иландара, одному Геулу известно. Как и все шлюхи «Дома Роз» Юльга пыталась выглядеть привлекательно, но истощение, усталость и жизненные невзгоды старили её. На обнажённых ногах Наоми заметила сыпь и не смогла скрыть отвращения. Уловив неприязненный взгляд королевы, Юльга поправила юбку, пытаясь спрятать несовершенства.

– Ты вёл её прямо так? На улице снег...

– Я и так устроил переполох, было не до поисков тёплых вещей.

– Дай ей свой плащ. Мне не нужно, чтобы она замёрзла насмерть.

Яр скрипнул зубами. Почему он должен отдавать свою вещь шлюхе? Наоми выжидающе смотрела на него. Шахово дерьмо, что за проявление сочувствия к отбросам общества? Яр замешкался, выразив нежелание подчиниться, но всё-таки снял плащ и швырнул его на полуобнажённые плечи трясущейся. Юльга вздрогнула и неуверенно закуталась в него. Наоми собрала с мыслями.

– Тебя зовут Юльга? Ты работала в замке?

Девушка перевела взгляд с одного лица на другое, оценивая положение. Врать бессмысленно. Розмари свидетельствовала против неё. Старая сука... Что им всем от неё нужно? Она ничем себя не выдавала.

- Я давно не ношу это имя. Но вы правы... ваше величество.
- Яр, оставь нас ненадолго.
- Вы уверены?
- Да. Нам нужно кое-что обсудить.

Мужчине не хотелось уходить. Обидно, когда ты часть тайны, в которую сам не посвящён. Он привык просто выполнять приказы, но делать это можно эффективнее, если знаешь зачем. Подслушать разговор хотелось до одури, поэтому, выйдя за дверь, Яр прислонился к ней, пытаясь разобрать слова. Наоми не знала, как подступиться. Утро началось с головокружения, будто дурно действовало зависшее серое небо. Возвышаясь над девушкой, которая, возможно, выносила ребёнка Иландара, Наоми боролась с нахлынувшими страхом и сочувствием. Как ей должно было быть страшно, когда короля убили. Каково это – знать, что ты и твой ребёнок обречены? Что никакого будущего у вас быть не может? А ведь Юльга рассчитывала на то, что Иландар на ней женится. Она думала, что будет стоять там, где сейчас стоит Наоми. Видела себя королевой, а стала шлюхой. Как всё резко изменилось за один день. На мгновение Наоми представила, что кто-то убивает Лонгрена. Как бы тогда поступила она? Куда бы сбежала? На что бы пошла ради защиты сына? И встал бы кто-нибудь на её защиту? Наоми моргнула, пытаясь избавиться от мерзкой картины в голове. Нет, никто и никогда не поступит так с её мужем. Эти люди сами возвели его на престол, они боятся его и уважают.

– Извини, что разговор начался столь грубо. Можешь подняться, тебе никто не навредит. Почему ты солгала моему человеку?

– А не должна была? Откуда я знаю, зачем вдруг понадобилась сильным мира сего, я ведь просто шлюха...

– Тебе есть чего опасаться?

Юльга помедлила с ответом, затем пожала плечами.

– Я не знаю.

– Уверена, что не лжёшь?

– Я не делала ничего противозаконного.

– Нет, но меня интересует другое. В какой связи ты состояла с Иландаром Дефоу?

Наоми заметила, что лицо Юльги слегка дёрнулось. В глазах промелькнул страх. Королева даже забеспокоилась: вдруг Юльга настолько безумна, что оттолкнёт её и сбежит? Руки невольно потянулись к животу, пытаясь закрыть самое дорогое, но Юльга не напала.

– Ни в какой. Он был королём, а я служила при дворе. Не более.

– Он много писал о тебе в личных дневниках. Говорил, что любит, и что ты носишь его ребёнка.

Губы девушки искривились. Наоми продолжала:

– Родился сын? Где он?

– Не знаю, о чём вы.

– Я спрашиваю вежливо, не испытывай моего терпения. За допрос всегда могут взяться профессионалы. Понимаешь?

Юльга пошатнулась. Больше всего на свете ей хотелось сбежать от проблем.

– Он умер.

– Ты лжёшь.

Наоми не знала наверняка, но почему-то чувствовала, что это самый простой ответ. Юльга покачала головой.

– Чего вы хотите? Иландар давно мёртв, наша связь ничего не значит. Даже если я родила, этот ребёнок сгинул, он не угроза... Зачем вам всё это? Я ни для кого не представляю опасности, я шлюха...

– Я не собираюсь вредить тебе или ему. Просто хочу знать.

– Просто так даже мухи не летают.

– Думай дважды, прежде чем ответить. Если король узнает о тебе и твоём сыне, поверь, разговор не состоится. Тебе ведь это не нужно?

Юльга думала несколько секунд, затем покачала головой.

– Я подбросила его в храм, когда родила. Ребёнок мешает выживать, да и мой новый дом не место для него. Я не знаю, что с ним стало. Жив или мёртв... Без понятия. Никогда туда больше не ходила, и с тех пор его не видела.

– Если ты солгала, я узнаю об этом, и мои люди тебя найдут. Где бы ты ни была...

– Я не солгала.

Наоми всмотрелась девушке в лицо, пытаясь понять, не заставляет ли страх придумывать небылицы, но казалось, что на этот раз Юльга была честна.

– Почему ты ушла в «Дом Роз»? Ты же могла зарабатывать иначе.

– На тот момент нет. Сбежать из дворца было лучшим вариантом, а без связей ты никому не нужен. У портных своих подмастерьев хватает, мне предложили... другую работу, ещё и крышу над головой. Роз была добра ко мне. Те месяцы, что я жила там до рождения сына, она меня кормила, разрешала мне не работать, вела себя почти как мать, которой у меня не было. И я решила остаться с ней. Я была сломлена... без Иландара моя жизнь лишилась смысла, я подумала, что возжелала большего, и потому Геул покарал меня.

– Хочешь сказать, ты смирилась с новым положением? Никогда не думала, что чувствовал бы Иландар, узнай он, что с тобой стало? Может, он наблюдает из Аридона и его дух страдает, глядя на тебя?

По щекам Юльги покатились слёзы, она сдавленно всхлипнула.

– Его даже не похоронили... Иландару не попасть в Аридон...

В этот миг Наоми почувствовала безграничную жалость к этой разбитой девушке. Поддавшись порыву, она приблизилась к ней и обняла. Юльга вздрогнула, точно в неё вонзили нож.

– Он отличался от других... был слишком хорошим человеком, такие просто не выживают в Ревердасе. Он хотел избавить страну от жестокости, и сам напоролся на неё. Правда в том, что культ силы – это всё, на чём держится Ревердас. Пока люди будут думать, что это верный путь, они продолжат захлёбываться в крови. Единственный способ выжить – это подстроиться, дать им то, чего они хотят.

Юльга поёжилась, и Наоми попыталась представить себя на её месте. Могла ли королева сетовать на судьбу, когда с людьми творились вещи пострашней? Думая об этом, она устыдилась своей слабости.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось это пережить. Хочешь, я помогу тебе начать заново? Дам денег, ты уедешь и начнёшь жить там, где тебя никто не знает. Ты можешь попытаться...

Юльга криво усмехнулась и отстранилась.

– Я не смогу. Для меня уже поздно...

– Но ты ещё молода. Ты можешь выйти замуж.

– Нет, не могу... Я испорчена. Не смогу смотреть мужчине в глаза и делать вид, что я порядочная женщина, а не мать, бросившая ребёнка и ушедшая в бордель. Я заслужила всё это...

– Никто не заслужил.

Юльга выдержала паузу, затем утёрла слёзы и пристально посмотрела на Наоми.

– Зачем вам всё это? Зачем предлагать помощь шлюхе? Зачем дотрагиваться до неё? Не брезгуете?

Наоми было противно, но жалость вытеснила отвращение.

– Я соболезную тебе как женщина женщине. Мне правда жаль, что ты потеряла любимого, жаль, что мой муж стал причиной твоего горя. Если бы я могла что-то сделать... хотя бы для тебя, может, дух Иландара обрёл бы покой.

Юльга покачала головой.

– Вашей вины в этом нет, так что не утруждайтесь.

Наоми хотела сказать что-то ещё, но поняла, что Юльга не нуждается в её утешении. Все нужные слова она уже услышала от Роз, и пусть та повела её путём похоти и разврата, Юльга научилась справляться со своей болью.

– Никто не должен знать о нашей встрече. Ради твоей же безопасности.

Девушка кивнула.

– Ты можешь уйти. Мой человек тебя проводит. Не хочу, чтобы заметили, как ты вышла из этих стен.

Когда Яр услышал, что девушки приближаются, он отошёл от дверей. Мужчина узнал достаточно, чтобы стать проблемой. Он поразмыслил: как будет действовать Наоми, если поймёт, что он подслушивал? Ради безопасности королева может пойти на радикальные меры, но при дворе у неё почти нет верных людей. Из каких-то дневников она узнала, что у Иландара был ребёнок. Конечно, это было тайной, ведь король не состоял в официальном браке. При любом раскладе этот ребёнок не имеет прав на трон, но не исключено, что Лонгрэн предпочтёт видеть его мёртвым, если выведает о существовании. Как Наоми собиралась распорядиться этой информацией? Если хотела, чтобы ребёнка нашли ради мужа, сказала бы ему об этом. Может, у неё другой замысел?

Пока Яр выводил Юльгу с территории дворца, он обдумывал действия королевы. Судя по всему, она продолжит поиски, и вряд ли самостоятельно. Не удивительно то, что мотивов она никому не открыла, но лишь вопрос времени, пока её странную игру заметят. Кто-то любопытный может донести, и это выйдет Наоми боком. Она неосторожна и наивна. Опасно хранить такой секрет перед носом у Лонгрена, особенно, когда не умеешь врать. Глядя на удаляющийся силуэт Юльги, Яр выстроил в голове план действий.

Он застал Розмари в маленькой комнатке за уборкой. Женщина что-то насвистывала и не сразу заметила чужое присутствие. Яр прикрыл за собой дверь и кашлянул, чтобы скрыть звук задвинувшейся щеколды.

– Святой Геул! Вы меня напугали... – пролепетала женщина, выронив тряпку и повернувшись к мужчине.

– Прости. И за сегодняшнее тоже. Я привёл тебя в скверное место.

– Надеюсь, королева нашла то, что искала. Что такого важного украли из дворца? Не понимаю, почему подозрения пали именно на эту девочку. Она ведь ушла отсюда несколько лет назад, вряд ли она вообще причастна.

– Тебе известно что-то о её жизни? О связях?

Розмари пожала плечами.

– Ничего примечательного. Даже не представляю, как всплыло её имя.

– Кто-нибудь ещё знает, что королева искала её? Ты говорила с кем-то об этом?

– Н-нет, – Розмари запнулась и невольно отступила, видя, что Яр приближается. Его фигура выглядела враждебно, так что женщина почувствовала подступающий к глотке страх. Тени в комнате будто сгустились. Розмари заметила запертую дверь и мгновенно всё поняла. – Я не из тех, кто треплет языком... Меня это не касается.

– Разумеется. Но подстелить солому лучше до падения.

– Нет, постойте!

Женщина отшатнулась, но Яр уже ухватил её за горло. Она попыталась освободиться, но старческое тело быстро согнулось под натиском сильных рук. Желаящий вырваться крик превратился в хлюпающий стон. Яр повалил женщину и сомкнул руки на её шее. Розмари выпучила глаза, заколотила по мускулистым плечам, но это не принесло никакого результата. Её удары были всего лишь временным неудобством. Яр наблюдал за тем, как из старушки утекает жизнь, надеясь, что она и правда никому не рассказала. Ради безопасности Наоми стоило

сократить количество знающих о Юльге людей. Он не отпускал Розмари, даже когда её тело обмякло. Выждал достаточно времени, чтобы убедиться в смерти, и только потом поднялся, положил старушку так, чтобы всё выглядело естественно. Старость забирает неожиданно. Остановка сердца или неудачное падение... мало ли. Кому придёт в голову, что её убили? Наоми никогда не дала бы такого приказа, поэтому Яр её и не спрашивал.

Он знал, что вечерами королева выходит на прогулку. Она редко оставалась одна, но в последнее время стала сторониться присутствия слуг. Не желая сболтнуть лишнего, Наоми оставалась в компании самой себя или изредка – Периция. Яр надеялся, что она вышла одна и сегодня.

Он увидел королеву у засыпанного снегом фонтана. Она стояла и смотрела на каменную фигуру в центре, изображающую всадника с копьём, и слышала хруст под сапогами мужчины, лишь когда он подошёл достаточно близко. Увидев лёгкий испуг на округлившемся лице, Яр испытал странное чувство. И зачем всё это делать?

– Вы не забрали свой плащ? – тут же поинтересовалась королева, заметив на мужчине другой. – Я не просила вас дарить его.

– Знаю. Но как бы это ни звучало... мне противно носить вещь, которая была на шлюхе.

Лицо Наоми дёрнулось. Яр не знал, стоило ли напоминать королеве этот факт, ведь сегодня она общалась с падшей женщиной в не самых приятных условиях. Ощущала ли она себя после этого грязной?

– Хочется верить, что обстоятельства вынудили её на это. Я пытаюсь не осуждать.

– Вы играете с огнём, ваше величество. И если продолжите в том же духе, король узнает. Наоми нахмурилась и напряглась.

– Что вы хотите сказать?

– Если желаете узнать что-то, надо действовать осторожно и замечать следы. Люди болтливы. Я оказал вам услугу.

– Что? Не понимаю... вы что-то сделали?

– Я не враг вам и поэтому буду честен. Я в курсе, что вы ищете бастарда Иландара Дефоу и искренне надеюсь, что ни одна живая душа об этом больше не знает.

– Откуда вы...

– У стен есть уши.

– Вы подслушивали?

– Благодарите судьбу, что это был я, а не кто-то другой.

– Как вы посмели?!

– Заметил, что вы втянуты в опасную авантюру. Конечно, я не задаю вопросов, когда вы мне что-то приказываете, но раз уж вы пытаетесь мне доверять, и я, насколько мы видим, доверие оправдываю, попробуем быть более откровенны друг с другом. Я обеспокоен вашей безопасностью. И больше в стенах дворца, чем снаружи.

Несколько мгновений Наоми молчала, изучая Яра взглядом. Он похитил для неё чело- века, избавился от трупа, нашёл и приволок девушку, которую королева не видела в лицо. А теперь честно признался, что подслушивал. Наоми испугалась, что последует шантаж. Яр знает слишком много, но никаких требований из его уст не прозвучало. Во взгляде не было подавляющей властности, только тлеющая забота, смешавшаяся с искрами любопытства.

– Я думала, между нами деловое соглашение. Но вы говорите так, будто считаете себя моим другом.

– Потому что я друг.

– И чего вы хотите?

Яр посмотрел куда-то мимо Наоми и стиснул кулаки.

– Чтобы вы не подвергали себя лишнему риску. Зачем вам этот ребёнок? Как вы используете это знание, если до сих пор не поделились с мужем?

– Не знаю, – призналась королева. – Просто показалось, это может пригодиться. Я не собиралась рассказывать Лонгрёну, случайно узнала об этом.

– Из дневников? Где вы их нашли?

– Не важно. Там не очень-то много интересного.

– Надеюсь, это не займёт ваш разум слишком сильно. Всё-таки Иландара убили не просто так, и говорить об этом не принято. Постарайтесь забыть о его семье. Род Дефоу сгинул, он больше не имеет значения. Пусть бастард живёт в тени, это будет лучше...

– Не беспокойтесь. Я не желаю ему зла.

Наоми бросила взгляд на потухающие в окнах огни. Из-за плотного сумрака становилось холоднее.

– Вам лучше вернуться во дворец, не простудитесь. И ни с кем не говорите о Юльге. Я узнаю всё, что смогу, чтобы вы спали спокойно, но обещайте, что не будете копать дальше.

– Хорошо, – согласилась королева, всё ещё пытаясь разглядеть подвох, но в душе надеясь, что Яр и правда поможет ей.

Глава 5 Та, кого не ждали

В сопровождении доверенных людей короля Харон прочёсывала деревню за деревней. Она опрашивала жителей, вглядывалась в их лица, шерстила в мозгах, но нигде не обнаруживала девчонки. Прошло несколько месяцев, виновница как сквозь землю провалилась, и Харон знала, что не может вернуться, пока не найдёт её. Кто-то должен быть наказан, а совесть не позволяла ей ткнуть пальцем в невинного. Харон уже отчаялась и усомнилась, что девчонка действительно существует, может, это игры магов? Кто-то искусно морочит ей голову. Но если напали маги, то почему на торговцев в порту? Почему не пошли дальше, не устроили хаоса в столице? Харон перебирала различные версии, но все казались неправдоподобными, и вот однажды она столкнулась со странностью. Сельчане одного захолустья говорили, будто нечто сожрало их юную соседку, при этом исключали возможность нападения обычного хищника. Они описали труп в таких подробностях, что Харон замешкалась. Развороченное тело, вырванное сердце, ошмётки плоти. Работа садала? Или оборотень? Да мало ли, что могло быть. Однако все в один голос утверждали, что раньше такого не видели. Решили прочесать окрестности. Харон мысленно ругалась, полагая, что они тратят время впустую. Как девчонке удалось сбежать так быстро? Кто-то должен понести наказание за случившееся в порту, и Харон совсем не хотелось оказаться крайней.

Отчаяние скреблось под кожей и превращалось в осязаемый зуд, усиливающийся с каждым днём, так что Харон не поверила собственному успеху, когда на одном из рынков, среди столпившихся за капустой людей мелькнуло знакомое лицо. Девчонка выглядела потрёпанной и тоще, чем в воспоминаниях раба, но это точно была она. Харон не сомневалась. Не зная, чего ожидать, она предупредила солдат, и те решили окружить беглянку. «Надеюсь, она не почувствует меня», – подумала Харон и стала подкрадываться со спины. Она пыталась уловить магическую энергию, но на зов ничего не откликалось. Перед ней как будто был человек. Странно... как же тогда ей удавалось так долго скрываться? Гелата рассматривала кочаны, выбирая полегче и посимпатичней. Ей и на ум не приходило, что кто-то может искать её здесь, в мелкой, малонаселённой деревушке, расположенной в отдалении от столицы, а потому, когда голову пронзила резкая боль, испугалась. Харон пропустила импульс через её мозг. Девчонка не сопротивлялась. Магический удар сработал безотказно, Гелата едва не свалилась в капусту, но Харон успела её ухватить. Одна из стоящих поблизости женщин вскрикнула и попятилась.

– Маг! Святой Геул, здесь маг!

Люди шарахнулись от лавки, однако, заметив на руках Харон королевские браслеты, немного расслабились. Харон не хотелось сеять смуту или оправдываться. Она дождалась, пока мужчины подтянутся и перехватят у неё тело Гелаты.

– Точно она?

Солдаты внимательно всмотрелись в тощее лицо. Беглянка выглядела небрежно, но не вызывала опасений.

– Точно, – отозвалась Харон и сразу же заметила, что метка на шее девчонки отсутствует. Никаких следов магии, неужели и правда человек? Но зачем ей травить целый торговый корабль? Солдаты связали Гелату, заткнули ей рот, чтобы не вопила, когда проснётся, и бросили в повозку. Харон всмотрелась в почти детское спокойное лицо. Как только беглянка придёт в себя, она заберётся в воспоминания и наконец-то найдёт ответы. Месяцы поисков принесли результат, король будет доволен, а Харон сможет вернуться к прежней, менее изматывающей работе. И наконец-то увидится с Шэрон. Забравшись в сёдла, мужчины в сопровождении верра двинулись в сторону столицы. Довольные, расслабленные, они даже не подозревали, кого повезли с собой.

Когда Гелата разлепила глаза, мир перед ней утекал и трясся. Боль в висках до сих пор не отступила. Такая резкая, затуманивающая рассудок. Несколько раз Гелата моргнула и обнаружила, что трудно дышать. Рот затыкала мерзкая тряпка. Не пошевелиться. Куда её везут? Что происходит? Она попыталась подняться и осмотреться, но не смогла. Впереди слышались мужские голоса. Девушке стало жутко. Похитили? Продадут? Или хуже, кто-то видел её на месте преступления?

Будто уловив движение, Харон обернулась и заметила, что девчонка пришла в себя. Хорошо, всё равно они планировали сделать привал. Будет время выяснить детали. Она сказала солдатам, что неплохо бы остановиться, и те, устав мусолить задницы в сёдлах, охотно выбрали подходящее место. Спешившись, Харон подошла к повозке и залезла в неё. К собственному удивлению, она обнаружила, что девушка вновь лежит без чувств. Неужели импульс так сильно подействовал? Или она больна?

Опустившись рядом, Харон вытащила кляп и прислушалась к дыханию. Оно мешалось с надрывным свистом.

– Эй... – Харон потрясла пленницу за плечо, открыла ей один глаз, но зрачки не отреагировали на свет. Делать нечего – пока не придёт в себя, в разум не забраться. Харон надеялась, что не перестаралась: им нужны сведения, чтобы признать Гелату виновной и дать королю возможность наказать её. Вздыхнув, Харон слезла к мужчинам. Те уже расположились на не замёрзшем снежном участке и жевали солонину. На мгновение девушка представила, как присоединится к ним. Наверное, здорово быть частью компании, когда вас объединяет общая цель, но Харон не знала, что это такое.

Она не помнила родных, не имела друзей. Это роскошь, доступная людям, а не рабам, уж точно не рабам-магам. Одиночество плотно въедалось в душу. Все сторонились их: презирали и боялись одновременно. Иногда Харон думала, что при их силе можно было занимать положение выше, почему же так устроен мир, что самые одарённые страдают? Из всех живых существ её понимали лишь двое: Шэрон, оставшаяся во дворце, ничуть на неё не похожая, сестра разве что по несчастью, и Периций – человек, давно принявший собственную участь. Делай то, что говорят, и не задавай вопросов, тогда будет шанс протянуть подольше. Они жили в стенах дворца и выступали в роли марионеток, подрываясь по любому желанию короля, но иногда Харон так хотелось взглянуть за горизонт. Она смотрела на простирающиеся холмы с почти детской наивностью. Вот бы стать свободной и ускакать. Неважно куда... за горы и море, в те края, которых она никогда не видела. Без разницы, что там. Вряд ли хуже, чем здесь.

Солдаты заржали над какой-то шуткой. Харон отошла к одинокому дереву и села в тень. Открыв флягу, она сделала глоток ледяной воды. Холод щипал лицо. Харон молилась, чтобы не поднялся ветер, иначе станет немого.

Она думала о пойманной девчонке. На памяти Харон в столице не случилось ничего серьёзного: маги никогда не нападали, а этой крестьянке зачем-то понадобилось травить кучу народу. Может, ей внушили эту мысль? Или запугали? Харон должна была выяснить и прийти с ответами. Но что она будет делать, если девчонка не очнётся? Если её мозг повреждён? «Нужно было просто схватить её, – подумала Харон, – проклятье... Лонгрэн убьёт меня, если узнает, что я всё испортила».

Внезапно Харон почувствовала, как внутри неё что-то шевельнулось. Резкая перемена: холодок, растекающийся по телу, едва ощутимое давление. Так бывало, когда рядом находился «свой», кто-то из магов. Но откуда ему появиться в степи? Харон настороженно осмотрелась. Поле простиралось во все стороны, не позволяя кому-либо укрыться на территории, но девушка отчётливо чувствовала магию. Та будто возникла из ниоткуда, и хуже того – она пугала, душила, въедалась. Вдруг Харон заметила, как из повозки поднимается тень. Нет,

не тень... пленница. Кое-как извернувшись, Гелата села и уставилась на галдящих мужчин. Харон нахмурилась: что-то в ней переменялось. Энергетика стала другой. Неужели? Харон даже вздрогнула. Она не нашла в себе сил пошевелиться, тогда как один из солдат тоже заметил пробуждение пленницы и обратил на это внимание товарищей.

– Глядите-ка, кто проснулся.

– Эй, Харон, твой выход.

Гелата смотрела на них без страха, будто полностью контролировала ситуацию. Заметив, что Харон колеблется, солдат вопросительно приподнял бровь.

– Ты чего расселась? Харон...

– Эй, ты, – бросила Гелата говорившему. – Развяжи меня.

Солдат недоумённо покосился на пленницу.

– Может, ещё ножки помассировать? Не поняла, в каком ты положении? погоди, сука, ответить придётся за всё.

Гелата и бровью не повела. Стоило мужчине закончить фразу, как глаза его широко распахнулись, а затем лопнули. Он успел лишь вскрикнуть, прежде чем на шее возник глубокий порез, и поток крови хлынул на одежду. Остальные повскакивали, лихорадочно выхватывая мечи.

– Она маг! Все назад!

Харон было трудно поверить в происходящее. Она точно не чувствовала магической энергии ранее, неужели её можно подавить, скрыть от окружающих? Даже если так, нельзя спрятать метку, разве что временной иллюзией, но та бы рассеялась при атаке. Харон стало жутко. Она таращилась на то, как мужчины, крича, падали один за одним со вскрытыми глотками и распиленными лицами. Словно в кошмаре они заливали алым снег, а пленница даже не двигалась. Казалось, ей это было не нужно. Харон никогда не видела подобного. Магия имела свои причуды и последствия. Маги тратили много сил на то, чтобы причинять серьёзный вред, а делать это на расстоянии гораздо труднее. Может, девчонка ликиец? В таком случае бежать бесполезно. Что она может в своих браслетах? Даже отвлекающую иллюзию не создать. Всё бессмысленно. Харон моргнула, и на мгновение ей показалось, что из тела Гелаты вырывают огромные руки-тени. Они выются, меняют форму, уничтожают всё, до чего дотягиваются. В следующую секунду видение исчезло.

Когда последний мужчина упал, Харон аккуратно поднялась. Тело не слушалось, внутренний голос умолял не приближаться к повозке. Гелата бросила на неё равнодушный взгляд.

– Развяжи меня.

Гелата наверняка могла сделать это самостоятельно, но то ли испытывала Харон, то ли хотела поиздеваться. Словно в трансе, повинаясь чужому голосу, Харон двинулась к повозке. Что будет, когда она подчинится? Отпустить её – безумие, и не отпустить – тоже. Трупы. Они все трупы, которые и в столицу-то не вернутся. В глотке застрял удушливый ком. Харон вытащила нож и перерезала верёвки, сковывающие движения девушки. Гелата потёрла запястья и выпрямилась, внимательно посмотрев на последнюю выжившую. Харон никогда не видела таких глаз – чёрные, со ржавым отблеском, они будто заглядывали в душу и были способны её сожрать.

– Ты сделала мне больно. Ты не такая, как они...

Харон задумалась о том, стоит ли сказать что-то в своё оправдание, как вдруг почувствовала влагу под носом. Она коснулась его рукой и обнаружила кровь. А следом накатила боль. Хватая ртом воздух, Харон рухнула на землю. Мир перед глазами стремительно чернел.

Вдруг Гелата переменялась в лице. Часто заморгав, она оглянулась и нахмурила брови. Прилив слабости едва не впечатал в дно повозки. Гелата закашлялась, не без удивления обнаружив, что может двигаться. Уже не связана? Что случилось? Подняв голову, Гелата увидела распластавшиеся тела и невольно вскрикнула. Столько крови! Они что, передрались? Под

колёсами телеги валялась верр с меткой Иннун на шее. С самими красивыми волосами, которые Гелате доводилось видеть, она ещё не познала уродство смерти. Что всё это значит? Почему она среди них? Почему ничего не помнит? Гелату знобило то ли от ужаса, то ли от холода. Она осторожно вылезла из повозки и обошла её. Что делать? Дорога неподалёку. Вдруг кто-то увидит её на месте преступления? «Это ведь не я... – думала Гелата, – не я убила их. Но это люди из столицы. Меня точно накажут, если обнаружат здесь».

Схватив нож, она перерезала верёвку, освободив одну из лошадей, и, запрыгнув в седло, ударила вожжами. Скакун понёсся по дороге. Нутро так жгло, что на глаза выступали слёзы. От ужаса, непонимания и боли Гелате хотелось кричать. Но сначала убраться подальше. Сначала убраться...

Первое, о чём подумала Харон – смерть катастрофически болезненна. И самое противное в ней – холод. Мёртвые не должны страдать, почему же ей так плохо? Почему ледяные языки лезут под одежду, впиваются в кожу и пытаются добраться до души? Это мир для недостойных?

Разлепив глаза, девушка увидела тёмно-серое небо. Смеркалось. Поднялся ветер, а с ним и мелкие крупницы снега, но лицо настолько замёрзло, что почти не чувствовало уколов. Харон перевернулась и увидела рядом с собой колёса телеги. Жива? Неужели её не прикончили? Опасаясь, что враг ещё рядом, она медленно поднялась и схватилась за голову. Как будто поджарили мозг. Вот, пожалуй, что ощущают люди, когда верры лезут им в сознание.

Харон сморщилась и выждала несколько минут, а когда боль немного отступила, бросила взгляд на солдат. Они так и лежали в снегу, словно раскиданные жестокой бурей. Первый, второй, третий... Никто не поднялся, не дёрнулся. Они были мертвы наверняка. Уцепившись за повозку, Харон с трудом встала на ноги. Окоченевшее тело не желало подчиняться. Осмотревшись, Харон заметила, что пленница сбежала, одна из лошадей отсутствовала. Преследовать её не имело смысла, Харон всё равно не смогла бы справиться, не после того, что случилось, не со своими ограниченными силами. «Лучше бы умерла, – подумала она, пошатываясь и подходя к оставшимся, – лучше бы умерла, чем возвращаться с тем, что есть, в столицу.

Лонгрен долго ждал, пока маги и стража разберутся со случаем в порту, однако никаких подвижек в деле не было. Точно так же, как Светоносцы не могли поймать магов на востоке, эти бездельники в столице не могли выследить ополоумевшую девчонку. Это начинало злить, и король задумывался о том, что пара отправленных на арену человек может заставить остальных зашевелиться. Но теперь эта Шаахова тварь явилась с дурными вестями.

Стоя на коленях и уткнувшись в пол, Харон ждала, пока ей разрешат говорить. С ней уезжали трое, но никто не вернулся. Логичнее предположить, что сука сама убила их, но неужели ей хватило смелости прийти после такого обратно? Неужели надеется на милость короля? Лонгрен решил её выслушать, Холгер настоял. Пусть скажет хоть что-то, а он тем временем подумает, что с ней делать.

– Говори.

– Ваше Величество, мы выследили её. Сначала всё шло хорошо: девчонка не представляла угрозы, я убедилась. Обычный человек, без метки и внутренней силы. Она не оказывала сопротивления и не заметила моего присутствия. Я её вырубил и связала, мы были уже на полпути к столице, всё это время она пролежала без сознания, а потом... Очнулось как будто что-то другое. Я не знаю, как объяснить это. Словно человек вдруг стал магом или чем-то похуже. Я почувствовала разрушительную энергию, она парализовала. Эта девчонка изменилась, её глаза... это были даже не глаза мага, я не знаю, чьи... она убила ваших людей и почти

прикончила меня, после чего сбежала. Я не понимаю, почему осталась в живых и что она такое, но, боюсь, без помощи Светоносцев с её поимкой нам не справиться.

Лонгрэн внимательно осматривал Харон, будто пытался уличить во лжи под одной лишь позе.

– Что за чушь ты несёшь? Человек не может резко стать магом. Магия нам неподвластна.

– Знаю, это звучит как небылица, но клянусь, так и было...

– Выгораживаешь себя, свою тупость и бесполезность. Или вы сговорились, а ты столь наивна, будто решила, что я тебя пощажу.

Харон внутренне дрожала. Лучше бы умерла со всеми, чем это. Если Лонгрэн решит прикончить, он не будет милосерден, наказание превратится в пытку, в худшие часы её жизни. Король размышлял. Неужели не могла придумать историю получше? Хотя бы с толикой правдоподобности? Лонгрэн, может, умом и не блистал, но был и не настолько идиотом, чтобы поверить в то, что человек превратился в мага. Прикончить бы в назидание другим, но... у него всего два верра. Где достать новых, преданных короне? Холгер говорил, что нельзя разбрасываться силой магов, но и спускать им всё с рук нельзя.

– Ты не защитила моих людей, но спасла собственную шкуру.

– Я выжила случайно. Мои силы ограничены, я ничего не могла сделать. Девчонка, судя по всему, носитель магии крови. – Харон умолчала о том, что увидела тени, растущие из её спины. Убедила себя в том, что померещилось от страха.

Лонгрэн бросил взгляд на стражу, затем на советника. На лице Холгера застыли смещение и беспокойство.

– Пятнадцать ударов плетью – думаю, в качестве предупреждения сгодится. Я хочу, чтобы ты достала эту девчонку из-под земли, даже если сдохнешь при этом.

Харон округлила глаза. Только не это. Её снова спровадят на поиски. Вернётся ни с чем – и плеть покажется блаженством. От ужаса Харон сжалась. Не убьют. Не сейчас. Хотелось бы ей отключать чувства, игнорировать боль. Она не смела посмотреть на короля, держала голову опущенной, когда её уводили, и думала о том, что не увидится с Шэрон. Вернётся ли она вообще к прежней жизни или станет козлом отпущения в этой заварушке?

Её отвели в подземелье, раздели и связали, после чего исполнили приказ Лонгрэна со всем пристрастием. Мучить магов – особое наслаждение. Они не люди, не животные, они хуже... уроды, шааховы твари, ошибки природы. Они всё это заслужили, заслужили худшего.

Первые удары вырывали из глотки крик, но боль быстро начала затуманивать разум. Харон смутно помнила, как плеть обрушивалась на спину, как противный мужчина с торчащими ушами нашёптывал, что она шаахова шлюха, и лапал за грудь. Говорил, что сделает с ней в следующий раз, с каким удовольствием будет отрывать по кусочку, когда воплотит все свои фантазии. Иногда Харон приходила в себя и видела мерзости: его толстый половой орган, безумный взгляд, пальцы с черными ногтями. Она проваливалась в бессознательность, чтобы ничего не запомнить и не знать. Так было проще.

Глава 6 Возмездие

Девочка истошно кричала, когда мужской кулак снова и снова обрушивался на неё.

– Тупая сука! Никогда не можешь сделать того, о чём просят!

– Пожалуйста, отец...

– Такая же, как и твоя мать!

Девочка свернулась калачиком на земле, закрыв руками голову в жалкой попытке защититься, а мужчина схватил её за волосы и потащил по двору. Малышка закричала. Аэдан, ставший случайным свидетелем сцены, ненадолго замедлил шаг. Проходя мимо дома, в котором нещадно избивали ребёнка, он подумал, что люди – самые отвратительные существа на земле. Они жестоки ко всем, даже к собственному потомству. Чего можно ждать от тварей, нападающих на слабых в попытке самоутвердиться? Уроды телом и душой. Аэдан презирал их всегда, знал, что их сила – фикция, а их ярое желание уничтожить тех, кто может дать сдачи – проявление низости и страха за собственные шкуры. И почему этот вид вообще сохранился? Почему его до сих пор не истребили? Почему Шаах, если он есть, не показал людям, где их место?

Аэдан неоднократно видел проявление неоправданной жестокости со стороны людей, а между тем последние считали магов истинным злом. Отчего, спрашивается? Да, они сожгли несколько деревень и распяли несколько десятков тел, да только было ли, о ком скорбеть? Не сами ли люди превращали себе подобных в рабов? Не они ли занимались пытками? Не они ли сгоняли людей на арены для того, чтобы любоваться сражениями, радоваться пролитой крови? Не они ли насиловали и продавали своих женщин? Список преступлений, которые совершали люди, был огромным. Аэдан воспринимал их как болезнь. Мерзкие, мстительные, беспощадные, и вместе с тем ничего из себя в сущности не представляющие. Он не видел ничего плохого в их смертях. Они вообще недостойны существования. Другое дело – маги. Они способны создать более совершенный мир, мир без неоправданного насилия, в котором каждый будет считать долгом защищать свой вид.

Глядя на сцену избиения, Аэдан подумал, что это можно легко прекратить, избавить и отца, и девочку от мучений сразу, но одёрнул себя. Они здесь не за этим. Разобраться со сбродом можно и на обратном пути, главное, вытащить невредимыми тех, кто в этом нуждается.

До компании Аэдана давно доползли слухи, что в некой деревушке под названием «Седьмой приток», существовала организация, занимающаяся продажей клеймённых магов. Светоносцы охотно сдавали их, местные заправила всегда знали, где взять новые тела, и процветали. Такой товар пользовался спросом больше, чем рабы-люди. Их покупала знать – для работы, а чаще для жестоких утех, так что Аэдан решил прикрыть эту лавочку. В первую очередь он хотел спасти тех, кого мог, а затем уже убить оставшихся. Аэдан не желал подвергать опасности жизни магов, он ценил их так, как люди никогда не ценили собственные.

Взяв с собой пару соратников, он отправился в логово врага. Остальным было велено окружить деревню и отрезать людям все пути к отступлению. Маги видели, как с утра в «Седьмой приток» въехали четыре Светоносца. Они везли с собой связанных девушек, не представляло труда понять – для какой цели. Аэдан выждал пару часов, прежде чем решил, что пора. Со Светоносцами они не сталкивались давно, но с четырьмя справятся. Пусть товарищи, дышащие магам в спины, полюбуются, насколько бессильны их братья. Аэдан с удовольствием поиздевался бы над ними, но время поджимало. Задерживаться долго на месте было нельзя.

Они миновали несколько дворов и остановились у крупной деревянной постройки, напоминающей амбар. За забором виднелись привязанные лошади святого воинства. Вероятно, последних потчевали с дороги. На магах были капюшоны и длинные плащи. Слишком быстро их не узнают, а потом уж будет всё равно. Они вошли через открытую калитку, обогнули постройку и постучались в заднюю дверь. Через минуту послышалось шарканье ног, и та отво-

рилась, явив их взору хозяйку – седовласую женщину с сутулой спиной, тщетно пытающуюся придать себе солидный вид замысловатой причёской и платьем, явно подаренным кем-то из городских. Она вопросительно взглянула на пришедших.

– Здесь продают «особых» рабов? – спокойно осведомился Аэдан, будто действительно был заинтересован в их покупке. Лицо женщины слегка расслабилось.

– Вы про клеймённых магов?

– Да.

– Верно.

– Мы можем взглянуть на товар?

– Зависит от того, можете ли вы заплатить.

Аэдан отогнул край плаща и задел пальцами пухлый мешочек, привязанный к поясу. Услышав звон монет, женщина замешкалась, но затем отошла от двери, дав возможность гостям войти в дом. Она внимательно присматривалась к ним, но Аэдан знал, что выглядит богато и держится уверенно, а значит – производит впечатление человека, которому такая покупка по карману. Его красный плащ был расшит замысловатым синим узором и украшен редкими белыми пионами. Красивое лицо с идеальной светлой кожей обескураживало тех, кто смотрел на него впервые, в особенности терялись женщины. Всем им хотелось верить, что это красивый молодой мужчина, а не маг, ведь тогда бы связь с ним не была запретной.

Зайдя внутрь, Аэдан тут же услышал женские вскрики и шлепки. Они доносились из комнаты справа, но маг сделал вид, что вовсе не интересуется этим, хотя внутри него всё сжалось.

– Девушки, которых мы продаём, стоят немало. В основном их покупают лорды и их приближенные, потому что могут себе это позволить. Поимка магов – дело непростое, не всегда их удаётся оставить в живых, ещё и не покалечить. В здоровом виде они ценятся куда сильнее. Сейчас мы готовим партию для короля, так что немного на взводе. Отбираем самых лучших. Понимаете, в чём преимущество?

Хозяйка обернулась и взглянула на мужчину, стоявшего в дальнем углу комнаты. Он что-то полировал, но отвлёкся, когда она завела клиентов. Поднялся и теперь будто ждал приказаний.

– Приведи тех, кого мы ещё не определили.

Мужчина кивнул и скрылся за дверью позади. Хозяйка выдавила из себя улыбку.

– Женщины-маги, как, собственно, и мужчины – исключительно красивы. У них нет изъянов вроде угрей или болячек, черты лиц всегда правильные, волосы густые и крепкие. Несправедливо, не так ли? Почему природа так благосклонна только к ним? Почему их не трогает какая-нибудь хворь? Почему лучшее достаётся худшим? Скажите, кому не нравится обладать красивой вещью? Все мы тянемся к подобному, надеясь, что, прикоснувшись к прекрасному, сами заберём себе частичку молодости и совершенства. У меня есть клиенты, которым доставляет удовольствие убивать их в процессе соития. Не сразу, постепенно. Начиная с избиений, порезов, и заканчивая буквальным разрывом плоти. Они говорят – это приятно, быть внутри жертвы, терзать её, слышать крик, уничтожать что-то красивое. Для короля и его людей мы отбираем девушек с узкими бёдрами. Они должны быть чувствительнее к боли, а значит – приятнее для наших клиентов.

Аэдан чувствовал, как пустеет от слов, слетающих с уст этой женщины. Он смотрел на неё, не мигая, думая: «Заткнётся ли?», но она продолжала говорить о насилии так, будто это было чем-то естественным, будто маги действительно заслужили такого обращения с собой. Гребаные твари. Аэдан начинал закипать с каждым оброненным словом, а когда увидел, как в комнату заводят обнажённых девушек, едва сдержался, чтобы не прикончить работарговцев на месте. Они выстроили клеймённых магов в ряд. Шесть стройных молодых фигур.

– Поднимите головы, – приказала хозяйка, и девушкам пришлось подчиниться. Аэдан заметил отчаяние в их глазах, скользнул взглядом по шеям с выжженными метками, энерге-

тически потянулся к ним, но не получил ответа. Они были опустошены, уничтожены, растоптаны. Их превратили в вещи, над которыми к тому же собирались издеваться, прежде чем убить окончательно.

– Вам для каких целей? – осведомилась хозяйка. – Для любовных утех или работы? Может, для охоты?

– Охоты? – переспросил Аэдан.

– Да, некоторые лорды любят устраивать охоту на этих девиц. Выпускают в лес, а затем затравливают, как животных. Разумная добыча доставляет больше удовольствия при поимке.

– Покажите мне всех кандидатов.

– В этом нет необходимости, часть из них уже отобрана для поставки во дворец.

– А если я назову цену выше?

– Выше, чем король? Это вряд ли... – Хозяйка снисходительно улыбнулась.

– Покажите всех, а там решим, смогу ли я предложить цену выше, чем вы ожидаете.

Хозяйка замешкалась, но рассудив, что вреда не будет, снова кивнула напарнику, чтобы тот показал оставшихся. Тем временем крики за дверью усиливались. Кого-то мучили. Кого-то из привезённых девушек. Вскоре в комнату вывели ещё десять красавиц. Аэдан отметил, что их действительно отбирали по узости бёдер. Желали доставить больше мук. Больные, извращённые уроды. Почему никто не прекратит этого? Почему никто не проявит милосердия? Лучше уж быть убитым сразу, чем так. Что все эти девушки сделали людям? За что были обречены на такую участь? Стоило Аэдану представить, как богатые жирные лорды разрывают этих девушек изнутри, его замутило. Ярость разлилась по венам, в глазах сверкнул недобрый огонь. «Мы для них хуже животных, грязнее ползучих тварей...»

– Это все? – спросил он чуть тише.

– Все, – улыбнулась хозяйка. – Какая вам больше приглянулась, господин?

– Я заберу их. Всех, – ответил Аэдан. Лицо хозяйки вытянулось, а глаза округлились. Губы невольно искривились в насмешке.

– Я не ослышалась, всех? Но господин... это обойдётся вам очень дорого...

– Боюсь, дорого это обойдётся вам.

Стоило Аэдану произнести эту фразу, как на лице хозяйки застыло осознание. Она смотрела в черноту капюшона и понимала – под ним слишком красивое лицо, нечеловеческое и злое. Глаза, сверлящие её, были готовы растерзать душу. К женщине подкрался первобытный страх. Она открыла рот, но не успела ничего сказать – из него фонтаном полилась кровь. Её сообщник бросился бежать, но один из магов, стоящих рядом с Аэданом, вскинул руку – и беглец мгновенно воспламенился. Аэдан подался в сторону и толкнул дверь, из-за которой всё это время слышались крики. Он выхватил кинжал и сразу же метнул его в мужчину, который, не успев выйти из жертвы, только поднял голову. Клинок вонзился с такой силой, что пробил ему лоб. Аэдан приблизился к кровати, на которой лежала изувеченная девушка, такая же клеймённая, как и все остальные, столкнул с неё тушу и осмотрел раны. Она корчилась и сжималась, из промежности сочилась кровь. Аэдан осторожно прикоснулся к животу, чтобы остановить кровотечение. Несчастная тяжело дышала. Аэдан снял плащ, закутал девушку в него и поднял на руки. Она болезненно застонала, но сделать большего прямо сейчас он не мог.

– Уходим отсюда, – бросил он остальным. Некоторые из девушек, поняв, что они спасены, разрыдались от счастья. Но Аэдану было не до сантиментов. Они всё ещё в логове врага. Он услышал снаружи собачий лай, а затем и голоса. Наверное, Светоносцы почувствовали их. Выскользнув за дверь, Аэдан убедился, что был прав. На него надвигались четверо вооружённых мужчин, на которых не действовала магия, а за ними следовали ещё пятеро местных.

– Возьми её, – сказал Аэдан товарищу-ликицу. – Уведи всех, ты за них отвечаешь.

– Я понял. Быстрее, за мной! – Он бросился в сторону, и девушки понеслись за ним. Аэдан и Саёт – огненный стихийник – выхватили мечи. Им ещё предстояло столкнуться

со злом. Как только озверевшие Светоносцы бросились на них, в отдалении вспыхнули несколько построек.

– Что это? Что происходит?! – закричали мужики, перепугавшись за собственные дома. Светоносцы не обратили внимание на пожар. Рыча и сыпля ругательствами, они атаковали магов, и тем пришлось парировать удары. Аэдан знал, что умение обращаться с мечом – одно из ключевых. Он никогда не пренебрегал тренировками и пристально следил за тем, чтобы его люди тоже обучались. Если не могут достать Светоносцев магией, достанут железом. Ублюдки должны сдохнуть, без разницы как. В меньшинстве маги пребывали недолго. Стоило домам поблизости полыхнуть заревом, они повыскакивали с разных сторон. Местных прикончили первыми. Магия действовала на них безоговорочно, так что вскоре на земле валялись расчленённые трупы, уже ничем не способные помочь служителям Геула. Светоносцы отчаянно сопротивлялись, хотя, увидев, что окружены, быстро утратили твёрдость и веру в то, что выберутся из заварушки живыми. Маги сомкнулись плотным кольцом. Двое лучников натянули тетиву и выпустили стрелы. Трое копейщиков продырявили тела резкими ударами, а мечники поотрубили конечности, превратив Светоносцев в месиво из мяса и крови.

Когда со Светоносцами было покончено, маги наводнили поселение, решив сравнять его с землёй. Дома тряслись и рушились. Люди в страхе выбегали из них, улицы, охваченные дымом, заполнились душераздирающими криками. Никому не удавалось вырваться из хватки смерти, в этот день ни Геул, ни святое воинство не спасли людей.

Глава 7 Наказание

Холодно. Пространство будто застыло, превратившись в ледяную мерцающую картину: ни малейшего дуновения ветра, никаких раздражающих шумов. Холод навевал сонливость. Астрид спустилась к реке. Смеркалось. Они были в пути так долго, нескончаемое количество дней, а так ни к чему и не пришли. Следы магов то появлялись, то исчезали, то поворачивали в другую сторону. Цевель так и не вернулся, а попытки найти его закончились ничем. Мог ли оборотень сбежать? Вполне, только Эддут в этом сомневался, да и Астрид не видела особых причин. Возможно, он мёртв или ранен, только вот где? Астрид понимала, что отыскать его без помощи Видящих или весточки от самого Цевеля будет почти невозможно, к тому же в приоритете были маги. Они водили Светоносцев за нос, сбивали с пути, и даже силы природы перешли на сторону врага. Из-за непогоды Светоносцам часто приходилось останавливаться: снегопады, терзающие душу и тело бураны, морозы, валящие с ног лошадей, следовали друг за другом. В деревнях святому воинству были не рады, в городах обдирали до нитки, и над головами висело проклятье, вызванное их собственной слабостью и испорченностью. Астрид молилась Геулу в надежде на помощь, но бог затих. Он не хотел отвечать им, словно в наказание, и женщина не знала, как всё исправить, чему отдать предпочтение: поиску утраченной реликвии или магов, безудержно творящих зверства. «Мы показали свою слепоту, безответственность, наивность. Мы заслужили это и должны пройти испытание сами».

Убедившись, что поблизости никого нет, Астрид стянула с себя одежду. Мороз обжигающе лизнул кожу. Женщина сделала глубокий вдох, нашла участок, очищенный от снега, и погрузила руки в ледяную воду. Кровь стыла в жилах, однако Астрид всё равно обмылась. Ей нравилось думать, что холод заставляет омертветь страх, что ледяные капли утаскивают за собой грехи. И без того маленькие груди сжались до невозможных размеров. «Мне не холодно», – мысленно твердила Астрид, умывая лицо и шею, пока с губ слетала молитва. Тело тряслось, пальцы окоченели и стали хуже сгибаться, а ощущение внутренней чистоты так и не пришло.

Сзади хрустнула ветка. Астрид вздрогнула и обернулась. Она заметила фигуру Светоносца, на секунду замешкавшуюся, а затем скрывшуюся за деревом. Внутри жжением отозвался страх. Кто-то подсматривал? Да, он точно увидел её обнажённой! Отвратительно, невозможно! Ни один мужчина не имел на это право! Астрид принадлежала Геулу и телом, и душой! Она бережно хранила чистоту, чтобы Геул не обделял её благодатью, а что теперь? Она станет шлюхой в его глазах?

Дрожащей рукой Астрид прикрыла грудь, бросилась к оставленной одежде и прокляла себя за медлительность. Замерзшее тело не хотело подчиняться, пальцы схватили рубашку, но тут же выронили её. Паника нарастала. Астрид едва не задохнулась от всепоглощающего стыда. Наглец, заставший её в столь унижительном положении, не спешил убраться, он так и стоял за деревом, будто насмеялся над её нелепостью и наготой. Впервые за многие годы на глазах выступили слёзы, и Астрид поразило осознание мерзейшей беспомощности.

– У-ублюдок! К-как ты смеешь смотреть?!

– Я ничего не видел, клянусь! – отозвался мужчина. – Это вышло случайно. Я воды хотел набрать. Прости...

– Лжец... – просипела Астрид, пытаясь натянуть одежду. – Ты знал, что я буду здесь! – Замерзшее тело было неподатливым. Хотелось одеться быстрее, но мышцы словно задубели. Тем временем мужчина выскочил из укрытия и торопливо направился к лагерю. «Это неправильно, – думала Астрид, дрожа то ли от мороза, то ли от ярости, – Геул накажет меня... не простит ни мне, ни ему».

Эддут цедил похлебку, глядя на то, как языки костра врезаются в ночь. Сидящие вокруг Светоносцы переговаривались о ерунде, травили байки, отшучивались и неприкрыто хохотали. Эддуту казалось, что время для веселья прошло. Они погрязли в дерьме и понятия не имеют, как из него выбраться. С другой стороны, людям необходима надежда. Нужно отвлекаться на хорошее, чтобы не сойти с ума. «Как знать, все ли останутся живы завтра». Эддут соскрёб ложкой жалкие остатки бульона.

Вдруг он увидел приближающуюся фигуру. В ней было что-то неправильное, зверское, источающее опасность. Эддут насторожился. Астрид редко ела в компании, ещё реже допускала праздность в своём присутствии. Все знали, что она отправилась к пруду, и потому позволили себе немного пошуметь, но это не было поводом к конфликту. Вечно хмурая и озлобленная на свет, сейчас Астрид казалась особенно разъярённой. Эддуту даже почудилось, что в глазах её полыхнуло пламя, но то был лишь отблеск костра. Он медленно отложил чашку и открыл рот, но не успел ничего сказать. Пронёсшись мимо, Астрид остановилась возле Безбрового Дорта и Ёрона Битое Колено. Оба мужчины вопросительно уставились на неё, разговоры поблизости смолкли. Несколько секунд Астрид и Ёрон пытались сломить друг друга взглядами, но женщина первая нарушила молчание.

– Ты посмел смотреть.

– Твою мать, я же сказал, это случайно вышло.

– Ты пялился, а теперь спокойно сидишь и думаешь, что миновал наказания, что Геул просто примет плевков в свою сторону.

Мужчина усмехнулся и покачал головой.

– Угомонись, Астрид. Чего я там не видел? Сиськи... нашла, о чём переживать. Если думаешь, что у меня стоит на твой зад, то расслабься... мне это неинтересно, и Геулу тоже.

Эддут напрягся, почувствовав беду, но не успел среагировать. Астрид выхватила кинжал и с силой полосонула Светоносца по глазам. Ёрон заорал, Дорт тут же подскочил.

– Я принадлежу богу, ублюдок! Кто ты такой, что ставишь себя с ним в один ряд?! Похабный червь! Ты будешь ползать и отмаливать грехи до конца своих дней! Вы, воины Геула, смотрите, начинаете забывать, в чём смысл вашего грёбаного существования!

– Проклятье... – выругался Дорт, схватив за плечи орущего Ёрона. – Ты обезумела, женщина?! – Он угрожающе подался к ней, но Астрид приставила клинок к его горлу.

– Так, да? – почти выплюнул Дорт. – Убьёшь меня из-за задетой сучей гордости? Глава... – последнее слово он произнёс с отвращением, словно смачное ругательство, способное потревожить чувства мёртвого.

– Нарушишь обет или свой долг, и я подвешу тебя на собственных кишках.

– То, что ты заняла этот пост, было ошибкой.

– Ошибкой было то, что мать не вытравила тебя из чрева и не скормила псам.

Эддут смотрел на её страшное лицо и молчал. Он боялся шевельнуться, ведь рука Астрид могла дрогнуть, и тогда к её ногам свалился бы труп, а Дорт не обладал сдержанностью, спасающей в таких ситуациях. Смахнув с кинжала кровь, Астрид сунула его обратно в ножны и направилась к палатке. Светоносцы застыли в оцепенении.

– Я ничего не вижу... не вижу, я не вижу... – болезненно стонал Ёрон. Кровь залила его щёки. Дорт беспомощно смотрел на него, не зная, чем помочь, затем обернулся к Эддуту.

– Почему ты молчишь?! Это ненормально!

– Что ты хочешь услышать?

– Что?! Она лишила его зрения, твою мать! Из-за какой-то чуши! Это ублюдский самосуд! Слепой он теперь не охотник, что с ним вообще будет? Мы что, куски мяса для неё? Любой, кто неправильно посмотрит, будет обречён на это? Или в наших рядах слишком много охотников, которыми можно пожертвовать?!

Эддут понимал, что гнев Дорта справедлив, но и в том, что сделала Астрид, была своя правда.

– Астрид в разы набожней всех вас вместе взятых и свято чтит каноны чистоты. Вы ведь знали, что она пошла на омовение. Ёрон поплатился за то, что перешёл черту.

– Издеваешься? Он же сказал, что случайно увидел! А если я выйду поссать и случайно выберу куст, где уже ссыт она? Мне член отрежут?

– В нашем деле недопустимы случайности, глупости, неосторожность. Всё это приводит к лишениям.

– Знаешь на опыте, да? – выплюнул Дорт. Эддут не ответил, всё и так было очевидно.

– Проклятая сука... – простонал Ёрон. – Чтоб она сдохла... тварь... чтоб сдохла...

– Я бы на твоём месте заткнулся, – посоветовал Эддут, – глаза лишь начало. Астрид с удовольствием порежет тебя на куски и привяжет их гнить к позорному столбу, чтобы ты не нашёл упокоения. Не забывайте – она глава ордена, и сейчас мы все висим на волоске от краха. Настало время, когда случайности и неповиновение недопустимы. Король зол, он ждёт повода, чтобы сослать нас на арену. А вы привыкли к распущенности и своеволию, хотя все приносили обет. Самое время вспомнить об этом. Маги – реальная угроза, и если хотите выжить в этой борьбе, очиститесь и попросите милости Геула. Пусть он наполнит вас благодатью и даст каждому силы сражаться. Избавьтесь от грязных помыслов. Делайте то, что вам говорят, будьте добросовестны – и не пострадаете. Во всяком случае, от рук Астрид.

К полудню следующего дня Светоносцы добрались до деревушки Гач: крошечное поселение в двадцать пять дворов выглядело серым и убогим. Заборы торчали неровным рядом полусгнивших зубьев, из труб валил дым. Снег желтел в тех местах, где на него мочились псы, а люди, мрачные и недоверчивые, неохотно выползали из домов, чтобы посмотреть на приехавших. Светоносцы всегда вызывали восхищение, но Астрид заметила, что нынче народ глядит настороженно. Слухи о том, что они не справляются с магами, растекались быстро, а ещё быстрее те, что они ищут добровольцев. Астрид предпочла бы рубить языки тем, кто разводит панику, но не имела права. Приходилось действовать иначе. Светоносцы должны были внушать трепет одним только видом в эти запертые в никчёмных оболочках души. Грешные, грязные изнутри и снаружи, сельчане смотрели на святое воинство так, будто приближенные Геула ничем от них не отличались. Астрид это раздражало. Она свято верила, что бог руководит ею, тогда как этих трусливых, наверняка забывающих молиться людей не задевает даже его тень, не то что благодать. Гордо приподняв подбородок, Астрид смотрела на собравшихся, но вместо почтения замечала во взглядах холод, страх, скептицизм. «Что вам нужно? – говорили эти глаза. – Здесь вас никто не ждал».

– Ревердас стоит на пороге непростого времени. Маги бросают нам вызов, и Геул призывает своё войско сражаться. Мы принимаем всех, кто готов биться за правое дело и посвятить себя служению Геулу.

Астрид видела, как женщины хватаются за своих мужей и сыновей, показывая, что не отдадут их, вцепятся Светоносцам в глотки, если понадобится, но ни за что не отпустят с ними близких. Кто-то должен пахать поле, рубить дрова и пасти скот. Кто-то должен драть по ночам, чтобы родилось новое потомство. Астрид читала в глазах собравшихся мелочность, страх, осознание и принятие собственной никчёмной жизни. Они с большим удовольствием будут размахивать лопатой, нежели мечом. О женщинах и говорить нечего. Астрид ненавидела их. Грязные, легкомысленные суки, которым не хватает ни воли, ни решимости. Рабыни собственных страхов и мужей.

– Прошу выйти вперёд тех, кто готов присоединиться к нам.

Никто не вышел. В городах нет-нет собиралась горстка людей: зачастую это были те, кому нечего терять, чья жизнь бессмысленна и готова вот-вот оборваться. Напоследок им хотелось приобщиться к церкви, чтобы умереть не как шааховой твари, а достойно, на службе у самого Геула. Светоносцы принимали их, хотя на первой же тренировке становилось очевидно, насколько всё запущено. Ими правило отчаяние, а не вера в правое дело. Слабость их духа говорила о том, что многие побегут, когда столкнутся с проблемой, или окажутся разбиты в бою. Их мысли блуждали, не цепляясь ни за что конкретное, в глазах не было осознанности, а в душах места для Геула. В деревнях люди просто слушали и молчали. Астрид начинала злиться. Серые лица, закрытые позы, ноги, увязшие в снегу. Она не имеет права принуждать кого-то к служению, но что делать? Ревердас в дерьме, король не помогает, оружия нет, а банда магов, ускользающая от них, вырезает и жжёт деревни. Сколько это может продолжаться? Почему все прячутся за равнодушием? Почему столице кажется, что их это не коснётся? Проклятый Лонгрэн думает, будто может подчинить всех, убив или унизив. Но кто будет сражаться, если уничтожить войско? Иногда Астрид думала, что проклятье пало на страну в тот день, когда убили законного короля. Возможно, терпение Геула закончилось ещё тогда.

– В чём дело?! – чуть ли не выкрикнула Астрид. – Думаете, лично вас это не затронет? Да, убили кого-то на востоке, а потом чуть ближе. «Мы не будем следующими», – так вы считаете? Думаете, молитесь достаточно часто, чтобы смерть не постучалась к вам и не забрала ваших детей? Радуетесь, что жёны цепляются за вас, потому что проще вспахать поле и пойти потрахаться, чем выяснять, что скрывает ночь! А что вы будете делать, когда они придут по вашу душу? Побегите? Будете звать на помощь?

– У Ревердаса есть вы, – отозвалась одна из женщин, – выполняйте свою работу, чтобы этого не случилось.

– Выполнять? – Астрид шагнула вперёд, и женщина напряглась. – Ты думаешь, я не выполняю свою работу? Ты можешь посчитать, сколько наших братьев сдохло ради ваших мирных ночей? Ты... – Она бросила взгляд на высокого юношу, стоящего позади говорившей. – Что молчишь и хлопаешь глазами? Не хочешь попытаться защитить семью? Или уверен, что справишься в одиночку, когда вас придут рвать на куски?

– Астрид... – тихо позвал Эддут, но женщина не отреагировала. Юноша замаялся. У женщины округлились глаза.

– Я... я должен помогать отцу в поле, один он не справится.

– У тебя есть младшая сестра, – Астрид кивнула на девчонку, достающую парнишке едва ли до пояса. – Или думаете, что женщинам трудиться не полагается? Отправь её в поле, а сам принеси пользу стране.

– Не трогайте моих детей... – процедила женщина, пытаясь закрыть их телом, но Астрид сделала вид, что не слышит её. Она продолжала сверлить взглядом мальчишку.

– Как тебя зовут?

– В-Вернар...

– Вернар, ты веришь в Геула?

– К-конечно.

– И ты готов сказать «нет» богу, который взывает к твоей помощи? Готов отречься от него, оставить без защиты семью?

– Н-нет...

– Замолчи, – женщина дёрнула его за рукав и с ненавистью посмотрела на Астрид. Та продолжала:

– Тогда прекрати цепляться за мать, это не поможет, когда маги придут, чтобы убить её. И чтобы этого не случилось, ты должен пойти с нами.

– Ничего он вам не должен!

Лицо Вернара переменялось. То ли слова Астрид что-то затронули в нём, то ли угрожающий вид воинов, стоящих за ней. Их крошечной деревни не нужны были проблемы, и юный, не знающий жизни ум, уже начал испытывать угрызения совести.

– Я... х-хорошо, я пойду.

Мальчишка побелел от ужаса, но отказать Астрид и стать причиной возможных бед было страшнее, чем отправиться со Светоносцами в бездну Шааха. Глава святого воинства смотрела так, будто за неправильный ответ готова была лишить Аридона или сравнять деревню с землёй. И кто бы потом доказал, что это не дело рук магов? Женщина охнула.

– Нет, не пойдёшь!

Вернар попытался шагнуть вперёд, но мать удержала его. Астрид закипала. Через мгновение в её руке сверкнул меч. Она сунула обнаженный клинок между женщиной и сыном. Несчастная замерла. Люди затаили дыхание, и даже Светоносцы растерялись от такого выпада. На лице Эддута отразилось замешательство. Он мысленно попросил, чтобы Астрид не делала глупостей, иначе придётся вмешаться. Убивать простолюдин точно не входило в его планы. К тому же это было серьёзным преступлением против короны и церкви.

– Вы... не имеете права, – пролепетала несчастная, уже не так уверенно глядя на Вернара.

– На что? Юноша изъявил желание служить Геулу, все слышали: он сделал это добровольно. Моя задача – не позволять кому-либо препятствовать благому намерению.

Вернар в ужасе покосился на мать, затем шагнул в сторону Астрид. Та, может, и не стала бы давить, но гадкая сука развязала язык, и Астрид захлестнула ненависть. Захотелось отомстить, наказать, и тут же подвернулся идеальный способ. Астрид кивнула, и паренёк затесался в ряды стоящих позади мужчин. Его младшая сестра ухватила за мать, а та, содрогаясь от полившихся слёз, прижала малышку к себе. Астрид опустила меч и внимательно посмотрела на лица. Люди были растеряны, напуганы. Стоило чихнуть в мертвецкой тишине, чтобы заставить часть из них обделаться. Им было некого звать на помощь.

– Ты... – обратилась она к рослому мужчине, рядом с которым стояли два юнца не старше тринадцати лет. – Не хочешь послужить богу и государству? Твой дом не придёт в упадок, ты вырастил достойную замену, но нужен кто-то, кто будет заботиться о спокойствии этих мест.

На мужчину уставились все, так что времени на раздумья у него не было. Астрид видела борьбу на его лице: борьбу со страхом и нежеланием, но, наконец, промямлил:

– Если того действительно требует Геул, я пойду с вами. Но коли улягутся беды, возможно ли будет вернуться домой?

– Твоим домом станет наш орден, или ты считаешь, что можешь просто отвернуться от Геула, когда захочешь? От того, кто дал тебе всё, что ты имеешь?

Мужчина вздохнул. Несколько секунд он смотрел на Астрид, размышлял, как она поступит, если он откажет. Что, если заберёт кого-то из сыновей? Или обоих? Мальчишки не выживут в большом мире, они ничего не знают о зле, притаившемся за порогом. Ничто не помешает Светоносцам забрать тех, на кого укажет их глава. Они вооружены, их больше. Если он проявит слабость духа, то лишится своих мальчиков, непременно лишится. Во взгляде Астрид пылал вызов, она не потерпит неповиновения. Лучше уж пожертвовать собой, чем детьми. Приняв нелёгкое решение, мужчина обнял переглянувшихся сыновей, но коротко, сухо, по-мужски, затем последовал за Вернаром. Буквально ощущая, как люди сжались в ожидании следующего «ты», Астрид посмотрела на оставшихся.

– Кто-нибудь ещё? – Присутствующие отозвались молчанием. Казалось, они даже забыли, как дышать. «Так-то, – мысленно удовлетворилась Астрид, – бойтесь и думайте о том, что ваш срок не вечен. Смерть придёт за вами в любой момент в худшем из обличий». Она спрятала меч в ножны. – Ладно, довольно. Запирайте двери покрепче и спите чутко. В этом году будет суровая зима.

Запрыгнув в седло, Астрид повела лошадь прочь. Светоносцы развернулись, чтобы поплестись за ней: они мечтали остановиться в тепле, но по пути не встречалось трактиров, а местные и не накормят их с таким представлением. Придётся снова заночевать в палатках, морозить яйца в поле или пролеске, жрать окаменевший хлеб. Они ругались безмолвно, бубнили что-то под нос, дабы не слышала Астрид. Ей, казалось, были чужды удобства. Только Эддут поравнялся с ней, стоило им отъехать.

– Ты перегибаешь палку.

– Это ты её не догибаешь.

– Астрид, мы слуги Геула и защищаем людей, а не угрожаем им.

– Я никому не угрожала.

– Брось. Ты достала меч, это открытая угроза. Зачем тебе этот мальчишка? Нашли бы добровольцев в другом месте.

– У нас нет времени объезжать всю страну в поисках отрепья. Пока находим двух, одиндохнет от диареи. Мы ведём войну, а король чётко дал понять, что помощи ждать бесполезно. Если не проявим напористость, Ревердасу конец. Этого ты хочешь? Отбрось мягкотелость.

– Ты должна внушать людям уверенность и вести их за собой с чувством, будто нам всё по плечу, но ты только смуту наводишь. Запугиваешь.

– Страх – отличный поводырь.

– Нет, Астрид. Кого боятся, того не любят, а кого не любят – попытаются убить.

Женщина скривила рот. Попытаются убить? Она глава Ордена. Ни один идиот не решится на неё замахнуться. А если осмелится, она найдёт чем ответить.

Глава 8 Лагерь

Задница от седла уставала жутко. С тех пор как Леос покинул их, Хаара чувствовала опустошённость. И хотя мужчины по-прежнему разглагольствовали и шутили, она искала взглядом мага. Неприятно было осознавать, но Хаара привязалась. Сотни раз говорила себе, что всё к лучшему. Всё равно их ничего не ждало. Она станет королевой и тогда всё будет неважно, нынешняя жизнь останется позади, будет похоронена в воспоминаниях вместе с теми, кто был рядом. На мгновение Хаара даже представила себя во дворце, в окружении совсем других людей, живущих иной жизнью. Где тогда окажутся Цурий, Ромул и Хэльсин? Последуют за ней или к тому времени сгинут в каком-нибудь сражении? Наёмники долго не живут и не привязываются к месту. Они идут туда, где платят, и сейчас Хаара делала то же самое.

Погода выливалась на них неприятной мокрой мерзостью. Снег сыпался на головы, и чем дальше на юг они уходили, тем чаще он превращался в дождь. Приходилось делать остановки. Дорога ухудшалась, и среди голых стволов не открывалась перспектива найти ночлег. Во время очередного привала Хаара подумала, что устала, по-настоящему выбилась из сил. Не каждому понравится такая жизнь: вечное скитание со смутной надеждой достигнуть цели. Она была близкой и далёкой одновременно, что иногда Хаара боялась, будто Лонгрэн – мираж, плод её больного воображения, что она заигралась в фантазии, сошла с ума. Ломота в суставах возвращала её в реальность. Одному богу известно, сколько Хаара не мылась. От тяжести Эсхалы и кольчуги побаливала спина.

– Далеко? – поинтересовался Цурий, заметив, что девушка, привязав лошадь, куда-то побрела.

– Природа зовёт, – почти выплюнула Хаара, про себя подумав, что и поспать спокойно нельзя. Сейчас бы растянуться где-нибудь перед камином, потратить заработанное золотишко на достойную койку, но где там. Голые стволы почти ничего не скрывали, и Хаара брела дальше, надеясь отрыть укромное местечко, откуда не придётся бессовестно сверкать задом. Она почти уже решила остановиться, как вдруг услышала приглушённые голоса. Сначала мысленно выругалась, но тут же поняла, что это не Цурий с товарищами. Те остались позади, а эти доносились спереди. Хаара замерла, пытаясь прикинуть, кого занесло в такую глушь, ещё и в столь гадкую погоду. Граница находилась недалеко, Хаара предполагала, что они доберутся до неё через день, может, это солдаты? Пойти и сказать Цурию? Нет, незнакомцы могут переместиться. Хаара не любила сюрпризов, особенно в пути, поэтому решила оценить обстановку самостоятельно.

Осторожно ступая и стараясь держаться за стволы деревьев, девушка отправилась на звук. Вскоре она различила шевелящиеся тени. Мужские голоса стали громче. Мерный скрежет металла растекался в пространстве, будто кто-то затачивал меч. Хаара пригнулась, решив переползти за колючим кустарником, на котором, как последние воины на поле брани, ещё держались редкие засохшие листочки. Ноги утопали во влажной земле, грязь липла тяжёлыми комьями к сапогам, которые Хаара уже не надеялась отмыть. Она подобралась настолько близко, насколько позволяла местность, и присмотрелась. Пять мужчин с длинными, собранными в косы бородами расположились на небольшой поляне и приводили в порядок оружие: один затачивал хопеш. Хаара не видела никакой символики и сомневалась, что это воины Эндагона: слишком смуглая кожа и нетипичные клинки выдавали их. Речь долетала обрывками, так что девушка не могла превратить её во что-то связное, к тому же большинства слов не понимала. Мужчины выглядели раздражёнными, в их голосах звучали угрожающие интонации, а когда завязался спор, Хаара подумала, что самое время вернуться и рассказать остальным. Только она решила, что убраться отсюда – дельная мысль, что-то хрустнуло позади. Хаара развернулась и едва не поцеловалась с лезвием, приставленным к глотке. Его владелец угрожа-

юще возвышался над ней. Невыгодное положение, чтобы выхватить меч. Дёрнешься – и проткнут. Достаточно секунды. Хаара прокляла себя за невнимательность. Как она могла не услышать шаги? В голове пронеслась мысль: «А что, если здесь всё и закончится? Меня убьют?» Возможно ли умереть так глупо и бесславно, проделав такой путь? Хаара надеялась, что, если не Геул, так хотя бы Шаах на её стороне.

– Кто это у нас здесь? – прошипел громила с сильным южным акцентом, а затем, слегка отведя палаш, потянулся к ней. Хаара дождалась, пока враг склонится достаточно низко, затем схватила его за шею и, резко притянув к себе, со всей силы ударила лбом в переносицу. От неожиданности громила отстранился. Хаара воспользовалась шансом: перехватила руку с палашом и сконцентрировала энергию, чтобы удерживать её на безопасном расстоянии, а затем резким рывком завалила противника на бок. Растерянный, он не сразу догадался сопротивляться, а когда Хаара подмяла его под себя, оказалось поздно. Он пытался дёрнуться, но подавляющая сила, исходящая от девушки, вынуждала оставаться на земле. Хаара выхватила кинжал и полосонула громилу по горлу как раз в момент, когда он собирался позвать на помощь. Видишь врага – не мешкай. После всего пережитого Хаара перестала сомневаться в том, стоит ли наносить удар. Стоит, иначе его нанесут тебе. Она надеялась, что смерть свидетеля избавит от лишних проблем. Потасовка, однако, привлекла внимание остальных. Хаара заметила, что мужчины отвлеклись от перебранки и поспешили к ней. Пять на одну... не слишком-то честно, даже будь у неё преимущество. Подскочив на ноги, Хаара обнажила Ардисфаль. Разумнее было убежать или хотя бы крикнуть, чтобы привести подмогу. Услышат ли? Стоило выпрямиться, как о себе напомнил ноющий мочевого. Как не вовремя...

Первый подоспевший уже бросился на неё, но Хаара парировала удар.

– Ах ты, сука!

Их клинки встретились снова. Видя, что враги окружают, Хаара попыталась отступить к ближайшему дереву и обезопасить тыл. Возьмут в кольцо – и легко не отделаться. Хаара парировала несколько ударов, сердце ускорило ритм, руки стали нагреваться от бурлящей в них энергии. Лучше разделаться с ними быстро, а затем придумать объяснение для остальных, или вовсе скрыть эту встречу. Стоило Хааре приготовиться к удару, который должен был лишить противника оружия, воздух разрезал свист. Наконечник стрелы вышел из глотки ближайшего из нападавших. Хаара попятилась, чтобы падающий труп не задел её. Спина упёрлась в дубовый ствол. Внимание мужчин тут же сместилось. Хаара не знала, кто выстрелил, поскольку люди Цурия не пользовались луками. Просвистела ещё одна стрела, и девушка увидела два выступивших из-за деревьев силуэта. Один держал лук, а другой меч. Трое из четверых оставшихся бросились к ним, тогда как один всё-таки решил разделаться с Хаарой. Твердость вернулась к ней, как только число соперников сократилось. Хаара сразу перешла в нападение, и пусть мужчина несколько раз парировал её атаки, в одно мгновение скорость победила. Хаара нанесла удар, едва не попав под серповидный клинок, и перерубила противнику руку. Мужчина взвыл, но муки его длились недолго. Ардисфаль вошёл в глотку, из которой вырвался булькающий звук. Хаара выдохнула.

Схватка неподалёку всё ещё продолжалась. Лучник застрелил второго, но оставшиеся враги успели приблизиться, и тот, что был с мечом, вступил в ближний бой, защищая державшегося на расстоянии товарища. Тот успел подстрелить ещё одного, и мечнику оставалось лишь добить смертника. Пока они разделялись с оставшимися, Хаара подумала, что стоит убраться и предупредить товарищей о незваных гостях. Были ли у них личные счёты или парочке не принципиально, кого убивать? Хааре не хотелось испытывать собственную ловкость и проверять, увернётся ли она от летящей стрелы, но бежать было поздно. Мужчины расправились с врагами, и поворачиваться к ним спиной Хаара не собиралась. Она крепче сжала Ардисфаль, готовясь пустить его в ход при необходимости. Незнакомцы уставились на неё,

пытаясь оценить враг она или друг. В итоге мечник сделал пару шагов вперёд и опустил окровавленный клинок в знак мирного расположения.

– Девушке не подобает гулять в такой местности... Тем более одной.

– Кто сказал, что я одна?

– Хаара!

Голос Цурия раздался совсем близко. Возможно, они услышали звенящую сталь или возгласы. Через мгновение наёмники высыпали на поляну с обнажёнными мечами, готовые немедленно вступить в бой. Лучник натянул тетиву, а его товарищ напрягся. Хаара предостерегающе выставила руку.

– Стойте... будет обидно, если случится недопонимание.

– Дерьмо Шааха... это что? – Цурий окинул взглядом трупы. – Вы кто такие?

– Я задал бы вам тот же вопрос, – отозвался мечник. Даже с расстояния Хаара заметила, что он весьма габаритный. Молодой, коротко стриженный, с рельефным, поросшим щетиной лицом.

– Мы первые спросили.

– Вы шляетесь на границе с оружием, я могу посчитать вас за неприятелей, и мой друг напичкает вас стрелами прежде, чем вы попытаетесь сразиться.

Цурий хмыкнул, а Хаара заметила, что говоривший неплохо одет.

– Мы наёмники, – сказала она, – как раз ехали к границе предложить свои услуги. Говорят, здесь неспокойно.

– В этом вы уже успели убедиться, – заметил мужчина, слегка усмехнувшись и вперив в неё взгляд. – В первый раз вижу девушку с мечом. Необычная сталь.

– Ваша очередь представляться, – сказал Цурий, всё ещё не опустив оружия.

– Мы здесь служим. Шестой отряд зачищает лес от лазутчиков, коим удаётся пробраться, минуя крепость. Стену здесь не выстроить, почва у воды оседает, так что лес служит естественным препятствием для прохода. Со стороны реки сюда практически не попасть, тем более сциланцам с их лошадьми, однако некоторые находят бреши, передвигаются маленькими группками, что-то замышляют. – Он оценивающе посмотрел на наёмников. – Шли, чтобы предложить услуги, значит. Нам не хватает рук. Считайте, что наняты.

Мужчины переглянулись, а Хаара замешкалась, не рассчитывая на столь быстрое решение конфликта. Для тех, кто в меньшинстве, незнакомцы вели себя слишком спокойно.

– Наняты? Это кем, тобой? – уточнил Цурий.

– Да, что-то не устраивает? Идёмте, передам вас в надёжные руки.

Неуверенно попрятав оружие, наёмники поплелись к оставленным лошадям. Хаара хотела отстать и затеряться на время в каком-нибудь кусте, но испытала неловкость. Глупо заставлять работодателя ждать, пока ты справляешь нужду. Мочевой давил всё сильнее. Она поморщилась и потащилась за остальными.

Они углубились в чащу леса. Если изначально в голове Хаары мелькнула мысль, что их отправят в пограничный форт, то она быстро упёрлась в суровую реальность. Солдаты привели их в небольшой лагерь, где располагался отряд. Не самые приятные люди, на каждом из которых виднелся след от жизненных невзгод, а на ком-то проступал особенно ярко. Растрёпанные, с кучей шрамов, в замызганной одежде, уставшие от холода, дежурств и дрянной еды, они не сильно отличались от побитых собак или скитающихся в богом забытых землях наёмников. Выдавали их разве что плащи с эмблемами королевской армии, выглядящее дешево и тускло посреди истерзанного влажной зимой леса.

– Я привёл пополнение, – сказал мечник выходящему навстречу мужчине. Рядом с остальными тот выглядел почти величественно. Был широк в плечах, кутался в отделанный чёрным мехом плащ с золотой каймой, и, главное – высоко вскидывал голову, будто боялся пролить на ботинки гордость. Хаара не сомневалась, что он здесь всем заправляет, и уже при-

готовилась к вопросам в духе: «Где вы их откопали» и «Вы уверены, что им стоит доверять», как вдруг встречающий открыл рот, и из него вылетело вовсе не то, что Хаара ожидала.

– А баба для утех? – хохотнул он. Кулаки девушки мгновенно сжались. Со времён Рийска ей была ненавистна мысль, что кто-то даже в мечтах может позволить себе вольность представить её обнажённой и униженной. Если бы не давящий мочево́й, она опрокинула бы нахала на лопатки, сразу обозначив границы, но не хотелось переусердствовать, и потому Хаара лишь предупреждающе положила руку на эфес.

– Утешу так, что больше не встанешь.

– Аккуратнее с ней, – предупредил Цурий, – а то голову оторвёт. Ну или член... Не знаю, что хуже. Ты тут, полагаю, главный?

Мужчина недоумевающе приподнял брови, а мечник развернулся к наёмникам так, что Хаара, наконец, увидела его лицо вблизи. Молодой, с выразительными светлыми, внимательными глазами. Возможно, ровесник Иландара.

– Вообще-то я, – сказал он спокойно, почти безразлично, а затем кивнул в сторону встречающего. – Но подчиняться будете ему. Сэр Ллар У-дэ командует отрядом егерей. Он профессионал в своём деле, и я очень ценю его как солдата и как человека.

– Э... они не знают? – удивился последний, всё ещё глядя на мечника в замешательстве. Хаара мечтала, чтобы они быстрее заткнулись, и уже высматривала направление, в котором ринется искать туалет.

– Сэр, а ты, значит...? – вопросительно протянул Цурий. Хаара заметила, как Ллар побелел.

– Да как ты смеешь обращаться к Его Высочеству на «ты»?!

– Выс...?

– Спокойно, Ллар, это моё упущение, я не представился. – На лице мечника мелькнула виноватая улыбка. – Расмус. Младший сын его величества Ульриха. Не люблю формальностей, можете не падать на колени. Я предпочитаю чувствовать себя «своим» среди тех, кто сражается за Эндагон и доверяет мне свою жизнь. И не считаю, что должен отсиживаться в тепле и безопасности по праву рождения, ведь кто, если не сыновья короля, отстоит эту землю? К несчастью, я не могу долго сидеть на одном месте. Сциланцы у границы, и нужно вернуться в форт, чтобы оценить обстановку. Вынужден вас покинуть, постарайтесь контролировать ситуацию за стенами. Мы только что убили пятерых, – обратился он к Ллару, – будьте бдительны, их могло быть больше. И да, девушка умеет обращаться с мечом, будь почтительнее, Ллар, любой боец будет нам полезен. – Расмус снова глянул на наёмников, и Хааре показалось странным то, насколько беззлобно выглядело его лицо. Принца словно не тронули жизненные невзгоды, его тело не знало настоящей боли, а душу ещё не истерзала страна, слугой которой он себя мнил. В противном случае глаза бы точно выдали потаённую злобу или обиду, но Расмус был чистым и искренним. Таких людей Хаара не встречала, и потому он пугал. Даже Карлайл, любивший её как дочь носил за душой кучу грехов, совершал поступки, которыми не гордился и старался не захлебнуться в гное, который источал Ревердас, взрастивший его.

Подумать о Расмусе и его причудах Хаара намеревалась позже, сейчас же мочево́й пузырь вытеснил все остальные мысли. Как только Расмус ушёл в сопровождении лучника, она бросилась за деревья, наплевав на все учтивости и объяснения. Лишь облегчив организм, она вздохнула, почувствовала, что приходит в равновесие, и присоединилась к солдатам. Втиснувшись в их компанию так, словно была там своей, она рухнула на бревно между Цурием и Хэльсином. Под сапогами неприятно шмякало, подошва с грязевым наростом казалась неподъёмной, и девушка прикинула, насколько при такой влажности будет неприятно ночью. Ллар смотрел на неё с недоверием, будто всё ещё считал, что Расмус пошутил и девушку привели для забавы, но суровое лицо с выразительным шрамом и дерзкий, бросающий вызов взгляд заставили держать суждения при себе.

– Мы патрулируем территорию группами. Правило первое: если противников больше, не нападать. О любой подозрительной активности сразу докладывать мне. В этой стороне никого, кроме наших, быть не должно. По отличительным знакам поймёте. Правило второе: не привлекать лишнего внимания. Простите, ночью придётся помёрзнуть. Никакого огня. Правило третье: добытое в бою делится пополам. И если есть возможность взять противника живым, возьмите. Он может быть полезен.

– Странный у вас принц – заметила Хаара, будто вообще не слушала, о чём говорил Ллар. – Пытается играть в благородного воина в надежде, что лавры и трон в итоге достанутся ему, а не брату? Или у него большая тяга к простолюдинам? Легко соболезовать им, когда у самого карманы рвутся от золота.

– Лучше тебе заткнуться, – процедил Ллар, и Хаара, заметив, что ткнула в больную точку, решила надавить посильнее.

– Разве я что-то не то сказала? Простите уж, жизненный опыт. Правило первое: не доверяй богатырям. Правило второе: вообще никому не доверяй.

– Его высочество – самоотверженный человек. За ним идут сотни потому, что он не смотрит свысока, потому что не стоит за спинами своих людей, а ведёт их за собой. Во всём Эндагоне нет человека, столь преданного народу, как принц Расмус, и вы должны быть благодарны за то, что он взял вас под своё начало. Если я услышу, что ты или твои дружки непристойно треплетесь о нём, мои парни подвешат вас за языки, а потом закопают. Его высочество добр даже к таким отбросам, но со мной лучше не шутить.

– Благородный принц, значит. – Хаара пропустила угрозу мимо ушей, хотя Цурий предупредительно пнул её в сапог. – И поэтому его выслали на границу? Неужто в Эндагоне не нашлось людей, готовых защищать интересы страны в этом глухом месте? Складывается впечатление, что Ульрих не особо ценит младшего сына.

Ллар неприязненно поджал губы. Хаара заметила, как дрогнула его рука, готовая схватиться за меч.

– Его не выслали. Ему поручили важную миссию, от которой зависит благополучие Эндагона и безопасность его жителей. Его высочество достаточно компетентен в этом вопросе и с честью готов исполнить свой долг.

– О, как высокопарно. Куда ни ткни, благородство и отвага. Долг – какое величественное и отвратительное, словно раб, слово.

– Хочешь порассуждать о благих деяниях? Грязная наёмница, ещё и девка, знай своё место. Если там, откуда ты вылезла, к таким, как ты, относились с уважением, то тут ты ещё не мертва лишь потому, что принц в тебе что-то разглядел.

– Моё место? – удивилась Хаара. – Моё место там, где я встану.

– Ты встанешь там, где тебе скажу я. А, может, и ляжешь.

В глазах Хаары вспыхнул недобрый огонь. Она сорвалась бы и сломала нахалу нос, но Хэльсин и Цурий удержали её за руки.

– Эй, командир, легче... Мне не нравится, как ты разговариваешь с нашей леди.

– Леди, да? – почти выплюнул Ллар. Хаара криво усмехнулась. – Лучше заткните ей рот. Мы в лесу на границе, здесь не бывают леди.

– Давайте разойдёмся. Мы здесь для того, чтобы служить принцу Расмусу и королю Ульриху. Нам нечего делить, ведь правда? – Цурий сжал руку Хаары, предупреждая, что лучше промолчать. Конфликт, конечно, мог закончиться дракой. Хаара подозревала, что в её пользу, но что было бы после? Снова бегство от наказания?

«Тупой урод», – пробубнила Хаара, когда Ллар оставил их, удалившись к своим людям. Цурий проводил его пристальным взглядом.

– Ты, главное, не нарывайся. Я всё понимаю, но мы здесь за деньгами, а не проблемами, помнишь? Давай просто делать нашу работу.

Глава 9 Кого любить и ненавидеть

Мисора прогуливалась по заснеженному двору, пытаясь сгладить тревогу, скребушую на душе. С некоторого времени король отстранил её от себя, ничем не делился, не спрашивал её мнения даже ради забавы. Женщина была интересна ему только в постели, стала удобной игрушкой, а не той, что вызывала восхищение, и утрата прежнего положения её злила. Мисора не хотела терять место под солнцем, но придумать, как привлечь внимание монарха, у неё не выходило. Его интерес гас, и даже в постели Мисора чувствовала, что Лонгрэн не испытывает пылкого желания, того, которое вспыхнуло в нём в их первую ночь. Беременность Наоми и нападение магов на деревни стали для женщины настоящей неприятностью, и если в том, что королева лишь подурнеет от родов, Мисора не сомневалась, то вероятность надвигающейся войны её пугала. Что, если Светоносцы не справятся с угрозой? Лонгрэн был обеспокоен этим, хотя и пытался не подавать виду. Мисора украдкой наблюдала, как самоуверенность короля тает, стоит ему остаться одному, как он топит в вине свои беды, как бессильно ломает предметы роскоши, будто пытаясь доказать себе, что физическая сила решает всё. Если нервничал король, то и остальным стоило переживать. Видя при дворе магов, скованных ограничивающими браслетами, Мисора одновременно испытывала страх и злорадство. Ей нравилось думать, что никто из них не способен причинить ей реальный вред, и в то же время лисица боялась, что маги, буйствующие вдалеке от Архорда, доберутся до него, проложат себе путь из трупов и, когда придут, не пощадят никого. Мисоре хотелось, чтобы всё осталось как есть: ей нравилось пить, есть, красиво одеваться, и плата за это была невелика.

Погружённая в мысли, лисица не заметила чужого присутствия, как вдруг кто-то тронул её за плечо. Ещё не обернувшись, Мисора уловила знакомый запах пота, старости, воска и жухлых страниц. Главный советник, он позволял своим морщинистым пальцам касаться её нежной кожи. Мисора отпрянула, одёрнув накидку, и вызывающе-надменно уставилась на мужчину. Пусть не думает, будто она испытывает перед ним трепет. Холгер неприятно усмехнулся.

– Кого-то ждёшь?

Мисора ненавидела это обращение на «ты». Она сразу чувствовала себя приниженной, жалкой, ничего не значащей. Дворцовые слуги не смели говорить с ней в подобном тоне, но что Мисора могла сказать главному советнику? Он оказывал большое влияние на короля, был вторым человеком в государстве, ведь согласно слухам, именно Холгер усадил Лонгрэна на трон. Его родной дядя, слуга уже при третьем короле, или умелый кукловод, манипулирующий правителями из тени. Трудно было оценить, на что действительно способен этот человек, привыкший действовать исподтишка. Он любил разыгрывать почтительность и невинность, но Мисора буквально чувствовала, как от него струится угроза, и видела, как в глазах его пылает желание обладать. В минуты, когда рядом не оказывалось людей, его лицо менялось, лишалось притворной маски и обнажало неприглядную натуру хищника. Он демонстрировал исключительную самоуверенность, которую наверняка испытывал всегда. Зачем притворялся? Разве что так было безопасней. Быстро поняв, что Холгер не так прост, Мисора относилась к нему настороженно. Иногда её посещали мысли: что, если на самом деле правит не Лонгрэн? Холгер умело прикидывался тенью, когда того требовали обстоятельства. Все считали его преданным слугой закона, но Мисора насквозь видела сорт ядовитых, слащаво-лицемерных людей. Во многом она была такой же.

– Дышу свежим воздухом.

– Воздух полезен для кожи. Смотри, у тебя она почти как у королевы. – Костлявый палец скользнул по щеке Мисоры, и женщина внутренне съежилась. Ей хотелось оттолкнуть старика, вспороть его дряхлую глотку, но сверху вдруг донёсся знакомый женский голос.

– Что вы здесь делаете, господин советник?

Холгер рефлекторно отпрянул и поклонился. Мисора успела заметить недовольство, скользнувшее на морщинистом лице. Холгера передёргивало каждый раз, когда к нему так обращались. Он предпочитал и даже справедливо требовал обращения «Ваша Светлость», но Наоми упорно игнорировала учтивость, заменив её снисходительно-заносчивым «господин советник». Холгер знал, что молодая королева испытывает к нему неприязнь: её лицо всегда прямо отражало эмоции. Она боялась мужа, но как будто не боялась его, даже не пыталась скрыть недоверие и презрительность в отношении Холгера. Серая, глупая, бессовестная малолетка. Лонгрен вырвал ей мало волос. Жаловаться на такое «оскорбление» Холгер не смел, не хотел признавать, что сучка способна его задеть. Всё равно такие, как она, долго не живут. Пусть нарожает наследников, а потом случайно заболеет или свалится с лестницы. Непредвиденное горе, Ревердас, конечно, её оплачет.

– Ваше величество... я вышел подышать воздухом, сегодня отличная погода...

– Ваше величество, – Мисора присела в реверансе. Наоми облокотилась на мраморные перила и смерила двоицу внимательным взглядом.

– Вам нравится эта женщина? Смотрю, вы с ней любезны.

– Вовсе нет, я просто поздоровался с...

– ...наложницей моего мужа? К чему тратить время на любезности и заигрывания, если женщина вам несимпатична?

– Не вижу в этом чего-то сверхъестественного, ваше величество, я люблю поговорить с обитателями замка, иногда таким, как я, становится ужасно одиноко. Стоит моргнуть – и ты уже на смертном одре, покоишься в лучах славы, ведь всю жизнь служил благому делу, стране, королю, чему угодно, кроме себя. И тогда приходит пустота, все достижения тускнеют, и ты чувствуешь себя глупо, а изменить уже ничего не можешь. Боюсь, такой конец меня и ждёт.

В хрипловатом голосе Холгера сквозила тоска, и Наоми почти поверила тому, что он говорит, однако вовремя одёрнула себя.

– Нет смысла прикидываться мучеником и жалеть себя, всё, что вы сделали, было вашим выбором. Вы могли найти себе достойную жену, а не лапать женщину, принадлежащую вашему правителю, пусть она и шлюха.

– Ваше величество, это не... – попыталась вмешаться Мисора.

– Не смей перечить, – осекла её королева и спустилась на несколько ступеней ниже. – В самом деле, мне безразлично, что между вами. Можете забрать её себе, господин советник, я буду только рада, если эта женщина исчезнет с глаз долой.

– Я не могу, ваше величество...

– Отчего же? Вы трус?

Ненависть вспыхнула во взгляде Холгера, однако советник выдавил любезную улыбку, чтобы скрыть неприязнь. Он умел держать себя перед сильными мира сего, благо их было немного, иначе Холгер сошёл бы с ума.

– Во-первых, как вы верно подметили, она принадлежит королю, а я уважаю монарха и верно служу ему, а во-вторых, эта женщина не в моём вкусе.

Мисора мысленно усмехнулась. Не в его вкусе, как же!

– А кто же в вашем вкусе? – осведомилась Наоми, спустившись до конца и обойдя лестницу. Теперь они оказались наравне.

– Я предпочитаю девушек благородных кровей.

– Кого? Меня, например?

Лицо Холгера вытянулось. Наоми сама не ожидала, что попытается его провоцировать, но в этот час ей было особенно не по себе. Давили мысли о ребёнке Иландара, а тут ещё попавшаяся на глаза шлюха с ненавистным ей человеком. Два чёрных пятна, омрачающих коридоры дворца.

– Вы слишком юны, ваше величество.

– Девушкам старше меня труднее выйти замуж, вы же не думаете, что найдёте себе ровесницу под стать? Отчего не попросите короля подыскать вам партию? Уверена, любой лорд будет счастлив выдать за вас свою дочь. Быть холостым в ваши годы прискорбно. Сколько вам уже?

Вымученная любезность Холгера так и норовила покинуть его. Наоми насмехается над ним, человеком, что стоял у власти ещё до её рождения! Покровительственно смотрит! Мерзкая эндагонская сука! В мыслях он уже овладел ею, унизил и надругался. Стало немного легче.

– Пятьдесят семь. Я холост, потому что посвятил себя служению Ревердасу. Судьба народа беспокоила меня больше, чем личное счастье, к тому же я реалист и не верю, что в браке людей моего статуса есть хотя бы крупица того, что принято называть любовью. Конечно, я мог приложить усилия, поискать ту, что будет верна мне, ту, что восхищалась бы мной, но было не до любовных интриг.

– А сейчас самое время?

– Боюсь, что нет.

Наоми усмехнулась. До чего же мерзкий тип! От его лицемерно улыбающегося лица королеву тошнило. Ещё больше неприязни вызывала умолкшая Мисора, что без всякого стеснения смотрела на неё, как на себе равную.

– Пойди прочь, – обратилась она к женщине. Та, не возражая, кивнула и поспешила удалиться, будто только этого и ждала. Наоми заметила, что на лице Холгера мелькнула досада.

– Славно побеседовали, но мне тоже пора, ваше величество. Нехорошо заставлять короля ждать.

– У вас для него какие-то новости?

– Скучные. Нужно обсудить пару вопросов, боюсь, вам не будет интересно.

– Какие-то известия о магах? Ревердасу грозит война?

– Нет, что вы... Магов не так много, чтобы мы беспокоились или собирали армию. Светоносцы справятся с ними, нет повода переживать. Вам лучше подумать о ребёнке.

Наоми и так думала о нём, не хотела, чтобы ему грозила опасность, боялась, как бы не пришлось рожать во дворце, окружённом врагами.

– Ну раз так, не смею задерживать. Всего доброго, господин советник.

– Ваше величество...

Мужчина поспешил во дворец, а Наоми, поправив мех, двинулась в сад. Впервые за несколько дней она решила прогуляться и расслабиться, но парочка, попавшаяся на пути, всё испортила. Что может быть хуже вида любовницы мужа с государственным изменником? Эти мерзкие лица, вытягивающиеся в приторной гнилой учтивости! Змеи! Как их можно выносить? Как можно верить им? Вокруг лжецы и подхалимы! Наоми их всех ненавидела. Недостойная жизнь, опасная и жестокая. С ней можно было бы без сожаления расстаться, если бы не ребёнок, вселявший надежду на лучшее. Наоми провела рукой по животу. Её сын не будет подобен зверю, его душой не завладеют гнев и похоть. Для матери он станет верной опорой и поддержкой.

Наоми грезилась о его рождении, утешалась лишь тем, что больше не будет одинока. Даже мрачные мысли на время отступали, когда королева представляла, как будет играть с юным принцем, как будет учить его наукам и искусствам. Она станет лучшей матерью, даст ему всё, что только можно пожелать! Если муж отверг её любовь, то она полностью отдаст её ребёнку.

Яр нашёл Наоми под голыми ветками вяза. Они убедились, что никого нет поблизости, прежде чем начать разговор. С тех пор как стало известно о смерти Розмари, королева побаивалась мужчину, хотя тот уверял, что сделал это во имя её безопасности. Так ли это? Наоми не хотелось рисковать собой и ребёнком. Она старалась не попадаться на глаза кому-либо вме-

сте с Яром. Мало ли какие выводы могли сделать об их встречах. Меньше всего Наоми хотелось, чтобы об этом узнал Лонгрен.

– Я расспросил священников про детей, несколько мальчиков и правда были подброшены на порог храма в тот год. Юльга родила осенью: я узнал, что в это время в храм попали двое: мальчик и девочка.

– Она родила мальчика, значит, это он. Ты видел его? Он жив?

Яр кивнул.

– Зовут Веллир, ещё мелкий, два вершка от горшка. Мне разрешили глянуть издалека.

– Они интересовались, почему ты спрашиваешь?

– Да, я сказал, что сделал ребёнка одной женщине, а та отказалась от него. Как вы планируете поступить?

Наоми задумалась.

– Не знаю, приглядывай за ним. Пусть это пока хранится втайне. Возможно, её и не придётся кому-то раскрывать.

Глава 10 Мертвец

Их отправили патрулировать местность уже через пару часов. Смеркалось, а Хаара ненавидела оставаться в полной темноте. Решили зажечь факел, чтобы хоть как-то ориентироваться, но он давал так мало света, что девушка представляла весёлую ночь во всей красе. Сыпал мокрый снег, заставляя и без того крошечное пламя натужно трепетать. От влажности знобило, так что Хаара старалась думать о чём-нибудь приятном. Мерзкий сезон нужно пережить. Придёт лето и тогда... что тогда? Летом грянет турнир, Хааре придётся вернуться в Архорд. Она живо представила себе арену, сражение с Лонгреном, если до него, конечно, дойдёт... Если всё удастся, то уже к началу вилиля¹ она станет королевой. И каким правителем она будет? Признают ли её?

– О чём задумалась? – спросил Цурий, наблюдавший за тем, как на лице Хаары играют зловещие тени.

– О тёплой ванне.

– О... может, ещё о троне помечтаешь?

Хаара хмыкнула, на мгновение подумав, что мужчина читает мысли.

– Сапоги вязнут будто в дерьме...

– Вы сами хотели на юг. Или думали, тут трава зеленеет?

– Вообще-то, надеялись, – пробубнил Хэльсин. – Кто ж знал, что нас заставят в лесу торчать. Кому вообще приходит в голову через эти дебри пробираться?

– Отрядам, желающим ограбить и навести шумиху. Отвлечь от основной проблемы, – ответила Хаара. – Сциланцы никогда не умели мирно жить. Вечно на что-то претендуют. Войны, набеги. За последние сто лет они раз пятьдесят нападали на Эндагон.

– Правда? – удивился Цурий.

– Одна из самых затяжных войн получила название «Война Белого гулана»². Длилась почти десять лет, в результате чего Эндагон потерял почти треть территорий. Тогдашний правитель – Дуррай Эн-Во – был хитрым стратегом, им восхищались и верили, что Дуррай способен завоевать весь мир. Он щедро награждал преданных воинов и жестоко убивал предателей. Даже казнил дочь эндагонского короля, когда тот не пошёл не сделку. Принцесса Лаффия, кажется, так её звали. Церковь сделала её мученицей. Дуррай разрубил девушку на пять частей и отослал самым знатым людям Эндагона в качестве предупреждения и проклятья. Говорят, ему помогали маги, потому что после армия Эндагона терпела неудачу за неудачей. Есть даже версия, что Лаффию принесли в жертву ради ритуала, дарующего нечеловеческие силы, поэтому Дуррай был непобедим. Эндагон смог освободиться лишь после его смерти, и с тех пор положение на границах весьма шаткое. Думаю, Сцилла никогда не оставит желание пожрать это государство, чтобы потом посоперничать с Ревердасом.

– Откуда такие познания? – поинтересовался Цурий, удивлённый тем, с каким спокойствием Хаара выдала информацию. Девушка неплохо ориентировалась в истории: годы с лучшими учителями страны высекли в её памяти множество сведений. Она пожала плечами.

– Да так... умею слушать.

Неподалёку раздался треск, и наёмники вздрогнули. Цурий, державший факел, тут же направил его в сторону шума, а остальные схватились за мечи.

– Кто здесь?

Ответа не последовало, но все прислушались, и через секунду различили приглушённый хлюпающий звук. Кто-то двигался в густой темноте. Человек, зверь, чудовище? Хаара

¹ Вилиль – второй летний месяц.

² Гулан – титул верховного правителя Сциллы.

выставила перед собой Ардисфаль. Неужели очередным сциланцам пришло в голову побродить по лесу в такую погоду? Не хотелось драться в темноте, тем более что ноги вязли в грязи, замедлявшей движения. Звуки слышались всё ближе, и наёмники присматривались, пытаясь различить человека или зверя, не побоявшегося выдать присутствие. Вскоре фигура выступила к ним, и первое, что бросилось в глаза Хааре – разорванная глотка. Секундой позже она увидела искажённое, перепачканное грязью лицо. Узнала его и отступила на шаг. Сердце бешено заколотилось. Хаара точно помнила, что прикончила этого человека днём. Ардисфаль вошёл ему в глотку, где до сих пор чернела дыра. Ничего не выражающие глаза светились тускло-красным.

– Шаахово дерьмо... – простонал Цурий, – это ещё что?

Мертвец вытянул скрюченные руки и что-то низко прохрипел. Он разинул чёрный от земли рот, будто приготовился укусить, и бросился в сторону Ромула, стоявшего ближе всех. Наёмник рубанул по твари мечом, но мертвец не почувствовал боли. Он быстро дотянулся до мужчины, схватил его за руку, притянул рывком и укусил за ухо. Ромул закричал. Подоспевший Хэльсин ударил тварь сзади, но мертвец не отстал. Хаара бросилась на помощь, надеясь, что Ардисфаль каким-то чудом усмирит восставшего из мёртвых, однако даже меч Дэррада не отправил тварь в её обитель. Она продолжала жрать Ромула, тот истошно кричал, пытаясь вырваться, бился, словно муха в паутине, абсолютно беспомощный и жалкий. Хаара перерубила существу ноги, затем отсекла левую руку. Мерзкие пальцы продолжали цепляться за глотку Ромула. Хэльсин обрубил правую руку, затем снёс труп головы, но свалившееся тело продолжало дёргаться, а зубы не разжались. Хаара проткнула сердце твари мечом. Ромул тщетно пытался сбросить с себя вцепившуюся голову, но зубы мертвеца продолжали вгрызаться в плоть.

– Что это за хрень?! – вопил Хэльсин, пытаясь помочь товарищу. Хаара, видя, что традиционные методы не работают, запаниковала.

– Огонь! Надо сжечь эту тварь! – бросила она Цурию. Он склонился с факелом, но ни влажная одежда, ни тем более кожа не хотели гореть.

– Твою мать... – выругался мужчина, откупорил флягу, привязанную к поясу, и вылил её содержимое на барахтающееся тело. Наконец-то огонь захватил его. Цурий и Хаара отступили.

– Забери меня Шаах, что за мерзкое пойло ты с собой носишь?

– Лекарство от любых тревог.

Хэльсину удалось сбить голову в снег. Он пнул её к горящему трупу, и по лесу разнёсся мерзкий протяжный крик. Ромул упал в снег, зажав рану рукой. Остальные подскочили к нему, но с первого взгляда Хаара поняла, что мужчина – нежилец. Тварь прокусила артерию. Ромул захлёбывался кровью.

– Держись, – сказал Цурий, положив руку ему на грудь. Ромул отчаянно вцепился в неё.

– Проклятье... он... – Хэльсин не закончил мысль. Испуганный взгляд Ромула упёрся в него, потом в Цурия. Мужчина бледнел, пока на заднем фоне горели извивающиеся конечности. Хаара поняла, что дрожит от ужаса. В последний раз она испытывала нечто подобное в Дэрраде. Ожившие трупы. Она видела их единожды и даже представить не могла, что подобное случится за пределами леса мертвецов. Почему он поднялся? Кто или что помогло ему? Ромул обмяк на руках у Цурия, и мужчина выругался, сжав его плечи. Тёплая кровь заливала одежду. Осознавая скверность ситуации, Хаара оценивала возможные последствия.

– Его тоже надо сжечь.

– Что? – возмутился Хэльсин. – Он даже остыть не успел!

– Он умер.

– Я вижу, шаахова бездна! Ты что, даже посочувствовать не можешь? Он был нашим товарищем!

– Знаю! Твою мать, я знаю! На нас только что напал труп! Я понятия не имею, почему он встал, и не хочу, чтобы в следующий раз Ромул вцепился кому-то в глотку! Мне жаль, да... Я в не меньшем ужасе, чем вы, но надо обезопасить себя, или тоже хочешь сдохнуть?

– Она права, – согласился Цурий, – нельзя рисковать.

Хэльсин цыкнул, но помог Цурию дотащить Ромула до огня. К тому времени мертвец уже перестал подавать признаки жизни. В тусклом свете пламени стволы деревьев казались чёрными, и Хааре почудилось, будто она снова в Дэрраде и вот-вот попадёт в окружение призраков. Холод, тишина, нарушаемая сбившимся дыханием троичи. Что-то зловещее витало в воздухе. Хаара чувствовала, что оно травит пространство, сочится отовсюду, что этот мертвец – только начало. И они ничего не смогут сделать. Будто что-то сломалось, мир перестал быть прежним.

– Мы даже молитву над ним не прочтём? Что за хрень?

Цурий пробубнил что-то похожее на молитву за упокой души, хотя не был особо верующим. У Хаары свело желудок. От мерзкого запаха горящей плоти захотелось плевать. Смерть бывает слишком внезапной. А если бы там был не Ромул, а она? Стоило представить себя в ледяной грязи, с разорванной шеей, горящей вместе с ходячим покойником, тело пробил озноб, а голову заложило. Хаара пошатнулась и невольно отступила, затем всмотрелась в темноту. Прислушалась. Один ли ходячий мертвец или следом придут товарищи?

– Поверить не могу... – прошептал Цурий. – Что это было?

– Шаахова тварь. Это забытая магия, не иначе.

Хаара не знала, что сказать. Ей хотелось быстрее убраться от этого места. В лагерь вернулись втроём.

По отсутствующим взглядам наёмников Ллар сразу почувствовал неладное. Он внимательно присмотрелся к деревьям, но не заметил четвёртого. Конечно, Ромул мог отойти по нужде, но командующий сразу подумал о дурном. Ему было плевать на потери едва знакомых охотников за золотом, но неприятное осознание, что враг снова пересёк территорию, скребло на душе.

– Где ещё один? – спросил он как можно спокойнее. К тому времени солдаты, жующие сухари и затвердевший сыр, уставились на вернувшихся.

– Погиб, – отозвался Цурий, – нам нужно вам кое-что сказать.

– Враг? Их много? Я же говорил не ввязываться в бой, а докладывать мне.

– Выслушайте. Прозвучит безумно. Первое, что вы захотите сделать, – это посмеяться или оскорбить нас, послать в шаахову бездну, но то, с чем мы столкнулись ночью, куда хуже любого врага, и это стоит воспринять серьёзно.

Мужчины насторожились. Даже перешёптывания смолкли, а Ллар поднялся, чувствуя, как тревога заполняет нутро.

– Говори.

– На нас напал мертвец, – перехватила инициативу Хаара. – Сциланец, которого я зарезала вчера.

– Что за чушь? Колоть надо острым концом, чтобы «убитые» не приходили мстить.

Среди мужчин пронеслись издевательские смешки, но Хаара на такую реакцию и рассчитывала.

– Часто видели выживших, у которых меч вышел с обратной стороны глотки?

– Она права, он был мёртв. Мы все видели это. Тварь не сдохла, даже когда мы разрубили её на части. Помог только огонь, – поддержал Цурий, но в глазах Ллара не мелькнуло и толики веры.

– Вы меня за идиота держите? Мёртвое навсегда остаётся мёртвым. Если ваш товарищ сдох нелепой смертью, и вы решили оправдать это такой небылицей, то глупый ход. Мы здесь

серьёзным делом занимаемся, и наш враг реален. Врага можно убить мечом. Вот что я знаю наверняка.

– Что ж, посмотрим, как вы сразите мечом подобную тварь, когда она придёт по вашу душу.

Хаара слишком вымоталась, чтобы что-то доказывать. Незрячему не рассказать, как выглядит мир. Им никто не поверит. Собственно, ей и самой не хотелось верить в случившееся. Все оставшиеся часы до утра она пыталась придумать разумное оправдание происходящему. Может, он и правда не был мёртв? Нет. Хаара знала, что был... Они все знали это. Забытая магия? Неужели остался кто-то, способный обратиться к ней? Хаара думала, что маги брезгают подобным, не хотят рисковать жизнями. Оценка Леоссара бы сейчас пригодилась, но он был далеко, вернулся к тому, с чего начал, и Хаара не могла винить его в этом. Оставалось надеяться, что другие трупы не пошли их искать.

– Вчера мы убили нескольких сциланцев. Нужно пойти проверить, вдруг они уже не там. На всякий случай сжечь, если тела обнаружатся. Мы понятия не имеем, с какого рода магией столкнулись, и не говорите, что не верите в неё. Ваши земли кишат магами.

– Наши земли? – Ллар приподнял бровь. – То-то я думаю, у вас странный выговор. Вы нездешние. Неужели в Ревердасе закончились те, кого можно убить?

– В каком-то роде.

Командующий хмыкнул.

– Такие, как вы, вечно бегут от правосудия. По правде говоря, я вам совсем не доверяю и лучше бы вздёрнул, чем нанял, но у его высочества на этот счёт другие взгляды. У тебя почти нет акцента, – сказал он Хааре. – Давно живёшь в Эндагоне?

Девушка пожала плечами.

– То тут, то там. Жизнь наёмников непостоянная.

– И правда. Вы бежите туда, где больше платят. У вас нет ни совести, ни понятия о чести. Я презираю вас за слабость души. Ну да ладно. Посмотрим на ваши трупы.

Хааре захотелось сломать мужчине лицо, но легче от этого никому бы не стало, так что она проглотила высказывание. Ллар собрал нескольких солдат и вместе с наёмниками они отправились на место, где накануне встретились с Расмусом. Хаара молилась, чтобы трупы остались на там. Желательно в прежнем окончательно неподвижном положении. Ночного кошмара хватило на вечность вперёд. В худшие из моментов жизни ей подсознательно хотелось обратиться за помощью к богу, но с чего бы Геулу откликаться на её зов? Он давно отвернулся, в тот день, когда она к нему не пришла. Теперь она принадлежит Шааху во всех смыслах. Сколько ни отрицай, она служит ему. Убивает ради него. Ради той силы, что ей дали.

С наступлением дня лес утратил злое щие черты. Послышались голоса птиц. С веток неприятно капало, хотя снег прекратился несколько часов назад. Хаара радовалась любым признакам жизни, они убеждали её в том, что Дэррад далеко, а всё, что находится по эту сторону, не так уж и страшно. Когда солдаты, наконец, добрались до места схватки, они заметили покрытые грязью тела, частично взбухшие, приобретшие отвратительный вид. Они лежали в раскорячку, в тех позах, в каких встретили смерть, и не было похоже на то, что кто-то пытался подняться. Хаара посчитала их. Не хватало только одного. Того, что напал на них ночью.

– Ну? – спросил Ллар. – Все на месте? Убедились?

Наёмники переглянулись.

– Да.

– В следующий раз закусывайте, когда пьёте.

Хаара нахмурилась. Этот мужлан им не верил. Ну и к Шааху. Лучше так, чем сражаться с мертвецами.

– Надо сжечь их.

– Чепуха. Предлагаешь запалить костёр, который на версты вперёд видно будет? Сейчас бы выдавать себя из-за вашего бреда. К тому же жечь трупы проблематично, кожа не то, что хорошо горит, ещё и при такой влажности. Если переживаете, что мёртвые придут вам мстить, выройте могилы и похороните лицами вниз. Когда оживут, начнут закапывать себя глубже. – Сказал Ллар с явной издёвкой и хохотнул. Обведя взглядом своих расслабившихся людей, он упёрся в каменное лицо Хаары. – Они мертвы и точно не поднимутся. Просто признай, что не убила последнего. Мы устали от этого представления, клянусь богом...

Хаара стиснула зубы и глянула на Цурия. Тот кивнул.

– Ладно, мы их похороним.

– Вот и славно. Возвращаемся. Пора менять смену.

Солдаты потянулись за Лларом в лагерь, недовольно бурча что-то вроде: «совсем свихнулись» и «какого хрена мы пёрлись сюда». Хаара тихо выругалась. Цурий и Хэльсин окинули взглядом пространство.

– Дерьмо... тут работы на весь день, я уже с ног валюсь.

– Давайте разрубим их, – предложила Хаара, – в таком состоянии точно не встанут.

Так и поступили. Хаара поймала себя на мысли, что никогда не занималась чем-то столь отвратительным. От трупов ужасно несло, тела раскисали в лужах, образовавшихся от таявшего снега. Наёмники рубили конечности и головы, затем копали влажную землю, размешивая грязь, что забивалась под ногти и буквально въедалась в кожу. К полудню снова начался мокрый снег. Хаара вспотела. Лоб покрылся испариной, волосы прилипли к вискам, щёки горели. Немудрено слечь с лихорадкой после такого, но не могла же она рисковать и всё бросить. Лес дышал, держал их в своих объятиях, и Хаара начинала думать, что ненавидит ряды деревьев, кустарники и бездорожье. Ненавидит то, что скрывается во мраке, что неожиданно приходит, когда ты слабей. Как только станет королевой, она в жизни не вернётся в лес, вообще не станет покидать Архорд. Зачем лишать себя уюта, тепла и чистоты? Они возились почти до вечера, и под конец стали напоминать оживших чудовищ. Промокшие и грязные, наёмники едва добрались до лагеря и потеснились в одной палатке, чтобы провалиться в сон. Оставшиеся часы до дежурства Хаара видела кошмары.

Глава 11 Потуги

– Это сработает?

– Не знаю, – ответил Этцель спокойно, будто даже в случае провала ничего серьёзного произойти не могло. Мужчина сидел на деревянной табуретке и следил за тем, как маг протыкает иголкой крошечное детское тельце, а затем выкачивает кровь в полую трубку. От вида этой процедуры становилось не по себе, но ради перспективы вернуть магию можно примириться со всяким. Мужчина коснулся выжженного участка кожи на шее. Клеймённый. Всегда презиравший человеческую жизнь, он был вынужден окунуться в худшую из её версий, смириться с жалкой судьбой и радоваться, что остался жив. А ведь кто бы ни выбрал смерть и предпочёл эти мучения? День ото дня мужчину посещала мысль, что лучше всё закончить, перестать измываться над собой, сбросить рабский ошейник и умереть назло врагам, как вдруг появился Этцель и сказал, что может попытаться помочь. Уцепиться за соломинку перед падением, так ли это важно? Оказывается, даже в отчаянии все живые существа цепляются за жизнь. Наверное, это подсознательное. Никому не хочется покидать брэнное тело, а всё потому, что «после» может оказаться ещё хуже. Вдруг на той стороне ждёт Шаах? Если верить легендам, все души магов принадлежат ему. Значит ли это, что на той стороне только муки?

Теперь мужчина сидел и ждал, пока маг завершит подготовку. Неподальёку покоился свежий труп, который пару часов назад был его хозяином. Самодовольный напыщенный урод, он оказался жалок и бессилен перед смертью, и клеймённый надеялся, что сейчас душонка этого мелкого феодала далеко не в Аридоне. Стоило радоваться кончине ублюдка, но даже сейчас, глядя на него, клеймённый испытывал напряжение. То ли боялся, что тот умер не окончательно и сейчас встанет, чтобы выпороть кнутом, то ли то, что всё происходящее сон. А, может, их вот-вот поймают Светоносцы? И будет ли тогда их смерть лёгкой? Может, маг, освободивший его, всего лишь безумец и мошенник? Может, надежда его ложная?

Как только Этцель закончил забор крови, он велел мужчине залезть на подготовленный стол.

– Выпей это, чтобы не чувствовать боли, – он предложил отвар, безобидно пахнущий травами, и клеймённый, пытаясь не выдать страха, опрокинул его в себя. Вскоре сознание начало плыть. Этцель помог мужчине улечься, на всякий случай связал его. Подготовив всё необходимое, он аккуратно, при помощи специальных инструментов отрезал часть плоти мертвеца, обработал её, затем взялся за мага. Вырезав то место, где раньше была метка, он сделал укол, введя мужчине кровь одного из младенцев. Несколько недель назад, когда Этцель недоглядел, малыш схватил один из инструментов и порезался. Однако его рана затянулась быстро, не осталось даже шрама, и маг не мог оставить без внимания такую способность к регенерации. Что, если сработает и на других, если эта кровь восстановит выжженное энергетическое ядро? Наложив на шею участок чужой кожи, Этцель срастил его при помощи эфира и осмотрел. Сработает ли? Оставалось подождать, чтобы проверить. Сколько лет попыток и разочарований! Этцелю казалось, что он ужасно постарел, хотя зеркало по-прежнему отражало красивое волевое лицо. Его мечта так и оставалась мечтой. Светоносцы продолжали лишать магов сил, а Этцель не находил лекарства. С недавних пор ему стало казаться, что время на исходе. Что-то надвигается, и если не поторопиться, маги рискуют исчезнуть вовсе. Дурные предзнаменования, вроде прилёта эрий и падежа скота, не остались без внимания. Этцель торопился, и между тем боялся допустить ошибку. Светоносцы шли то по его следам, то по следам Аэдана. В определённом смысле Этцель был даже рад, что сын путается под ногами и даёт ему шанс уйти.

Когда клеймённый пришёл в себя, Этцель успел избавиться от трупа. Разрубив его, он выбросил части оголодавшим псам, которых запер в соседней комнате и не кормил пару

дней. Убедившись, что подопытный не проявляет буйной активности, маг развязал его. Мужчина сел и тут же ощупал шею.

– Как самочувствие?

– С-сила... я её чувствую. Она движется, растекается во мне...

Глаза подопытного округлились, на лице застыл почти безумный восторг, но Этцель не спешил радоваться. Мало ли что почудится после крепкого сна. Клеймённый на мгновение задумался, а затем вскинул руки. В этот же момент сильный порыв ветра ворвался в комнату и пронёсся, перевернув предметы, лежащие на столе.

– Сработало! – вскрикнул он и прыгнул на пол. – Сработало, я чувствую силу!

Этцель глянул на беспорядок без энтузиазма. Что этот несчастный себе позволяет? Он мог разбить колбы с настоями. Пусть теперь убирает. Однако клеймённый, словно младенец, создал в ладонях маленький ураган и смотрел на него, давя глупую улыбку, будто ничего чудеснее в жизни не видел. Этцель решил дать ему пару минут радости. Сработало, надо же. У него наконец получилось! Это всё изменит... прямо сейчас на его глазах происходит глобальная перестановка сил. Только маг подумал об этом, как вдруг заметил, что из носа мужчины сочится кровь. Тот, охваченный эйфорией и увлеченный испытанием вернувшихся сил, не обратил внимания, но Этцель насторожился. Что-то не так. Глаза клеймённого покраснели и опухли. Он опустил руки и посмотрел на Этцеля со смешанными чувствами тревоги и восторга.

– Мне как-то жарко. И в шею как будто иголки вонзаются. Так должно быть?

Этцель не знал. Мужчина утёр нос тыльной стороной ладони, и, увидев кровь, вздрогнул.

– Так должно быть? Ай! – он схватился за шею. – Первородная тьма... оно жжёт, жжёт, сделай что-нибудь!

Этцель наблюдал. Мужчина согнулся и схватился за стол, повалив с него оставшиеся предметы. Он жалобно простонал и поднял глаза на Этцеля, будто умолял. Маг не был ни в чём уверен. Оставалось сделать ставку на то, переживёт ли испытуемый побочный эффект или нет. Он не собирался шевелиться ради того, чтобы помочь ему. Кровь полилась у клеймённого из ушей, он упал на колени и начал задыхаться. Неужели все старания садалу в пасть? Кровь ведь излечила, Этцель сам видел, что магия вновь вернулась к носителю, но неужели плата – это жизнь?

Мужчина содрогался и хрипел, а кровь всё текла и текла. Густая, алая, она забилась в нос и глотку, не дала возможности дышать. Лицо клеймённого раздулось и налилось красным, глаза выкатились. Этцель продумал про запачканный пол. И почему они никогда не могут умереть красиво? Обязательно грязно, марко... извергая из себя всё, что можно. И он вынужден быть свидетелем этой мерзости. Испытуемый растянулся на полу и вскоре перестал подавать признаки жизни. Тогда Этцель вздохнул и разочарованно окинул взглядом комнату. Теперь самому убирать бардак. Ребёнок захныкал, но Этцель не бросился его успокаивать. Не сработало. Очередной провал, он рано обрадовался. Кровь близнеца хоть и позволила клеймённому вернуть силу, но забрала его жизнь. Бессмыслица. Она лекарство в той же степени, что и яд. Этцель чувствовал укол разочарования, но вместе с тем и радости. Он сдвинулся с мёртвой точки и теперь придумает, как довести лекарство до совершенства. «Возможно, нужна доза поменьше. Или её стоит с чем-то смешать». Останавливаться на достигнутом Этцель не собирался. Он чувствовал, что встал на правильный путь, осталось лишь пройти его, выведав все секреты. Маги научатся противостоять «красной каре», и тогда людишкам не поздоровится.

Король отправил с Харон новых людей, намекнув, что в этот раз они должны вернуться невредимыми и с виновницей, иначе столь легко верр не отделается. Игнорируя боль в осквернённом теле, Харон послушно обещала сделать всё, что в её силах, хотя и знала – это тщетно.

Нынешние солдаты ничем не отличались от прежних: умели махать мечом, бесполезным в присутствии мага, жрать за троих и зариться на каждый округлый зад. С тех пор как Харон пришла в себя, она снова и снова думала о девчонке, о внезапной перемене и том, что лишь чудом осталась жива. Хотелось забыть эту историю, стереть из памяти наказание и продолжить осматривать веларов, поступающих в тюрьму, выполнять каждодневные, не требующие особых сил обязанности. Однотипные трудовые дни теперь казались блаженными. К тому же так хотелось увидеть Шэрон, единственную небезразличную душу, но времени на это не было. Смутно, но Харон помнила, как девушка пришла к ней после случившегося. Пребывая на грани бессознательного, Харон различала знакомый аромат гвоздики. Заботливые руки обрабатывали раны. Шэрон укрывала её, что-то шептала на ухо, но Харон не могла расслышать. Она растворялась в боли и не находила сил из неё вырваться. А когда пришла в себя, Шэрон уже не было.

У Харон мелькала мысль прийти к девушке во сне. Пока они находились близко, этот трюк иногда срабатывал, но Шэрон не спала те несчастные несколько часов перед отъездом, и Харон никак не могла до неё добраться. Она с тоской смотрела на окна дворца, думая, не выглядывает ли хотя бы из одного знакомое лицо. Пустая надежда. Наверняка Шэрон в тюрьме. Только Шааху известно, когда они свидятся.

Спина болела как проклятая. Каждое движение заставляло напрягаться и внутренне замирать. Хотя мази Периция облегчали участь, они не могли заставить Харон мгновенно забыть о проблеме. Нет, шрамы до конца не зарастут. Она, ничтожный и бесполезный раб, будет долго помнить о своей ошибке.

Король считал, будто успех поисковой операции зависит от наличия в их рядах Светоносца. Он отправил с ними мальчишку, едва вышедшего за порог обители Геула. Его звали Люпэн. Зелёный, хмурый, считающий себя важной персоной и смотрящий на Харон как на сдохшего садала, он сразу же вызвал неприязнь. Его вытянутое худощавое лицо не внушало доверия. Угловатость и болезненная тень отпечатали на нём клеймо затворника, лучшего из сыновей божьих. Харон видела подобные лица: ничем не пробиваемые, ни разу не тронутые радостью. Такое лицо было у Астрид, главы Ордена, однако даже оно казалось живее. В глазах Астрид пылала ненависть к ним, врагам человечества. Она сделала эту ненависть святой, годами бережно взращивала и использовала как оружие. Люпэн же просто казался предметом. Его, может, и выточил Бог, но будто забыл вложить душу. Юноша держался отстранённо, хотя ехал впереди и важно поднимал голову, преисполненный тем, что нёс святую волю не только Геула, но и короля. Харон испытывала странное, почти изощрённое удовольствие от его наивности, представляла, как нелепо он умрёт, столкнись они с той девчонкой снова. Возможно, «красная кара» способна остановить её, но только в умелых руках. Эти же руки ещё не знали практики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.